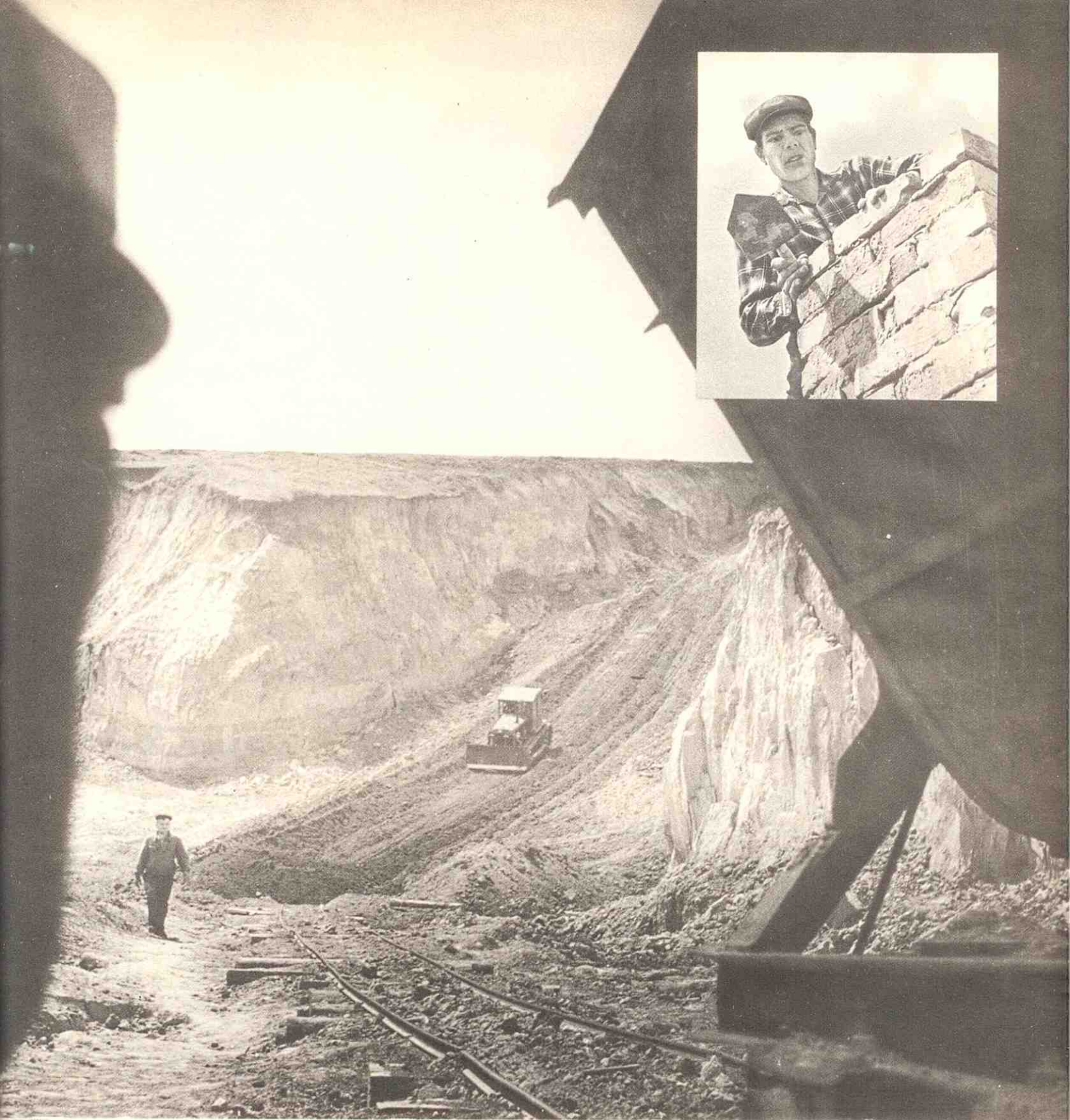


КРЕСТЬЯНКА

№ 8 АВГУСТ 1963





ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРЕСТЬЯНКА

№ 8 АВГУСТ 1963

42-й ГОД ИЗДАНИЯ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЖУРНАЛ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Г Л А З А М И О Д Н

На травинках не успела просохнуть роса, утро только начинается. А комната председателя в правлении уже пуста. В форточку вытекает густой табачный дым, который оставили после себя бригады: они получали здесь задания на день. За стеной щелкают арифмометры. Спрашиваю молоденькую девушку-экономиста:

— Где мне Клавдию Егоровну Борисенку найти?

— Даже не знаю, что посоветовать. Слышала, она на молочную ферму собиралась.

* * *

Полноватая женщина лет сорока чем-то расстроена.

— Председатель? Была. Ругала.

— За что же?

Женщина махнула рукой и вошла в маленький домик, стоявший возле коровника. Чем же обидела ее незнакомая мне еще Клавдия Егоровна? Переступая порог следом. Поначалу заведующая фермой Мария Алексеевна Силакова разговаривает неохотно, отвечает односложно: «да», «нет».

— В делах да хлопотах всякий о чуткости забыть может,— пробую я наладить беседу.

Глаза Марии Алексеевны удивленно расширились:

— Это кто нечуткая? Клавдия Егоровна? Да что вы! Я на себя злюсь, стыдно. Понимаете, концентратов у нас не то, чтоб в обрез, но и излишков тоже нету, каждый килограмм рассчитан. А я скормила их раньше срока, удой хотела повысить. Потом к Клавдии Егоровне: добавь еще. Раз добавила. Дай, думаю, опять попробую... Не особо-то и ругала, сказала только: «А о других коровах ты думаешь? Или твоим коровам — в три горла, а остальным что останется?»

Силакова помолчала, затем тихим, глуховатым голосом сказала:

— А о чуткости... Хотя и больно вспоминать, но... Муж мой на фронте погиб, осталась я с сынишкой Николаем. Растила его и радовалась — весь в отца: умный, честный, собой хорош. Уехал он учиться в строительный техникум в Луганск. Письма слал: «Скоро вернусь, мама, новую ферму тебе выстрою...». И вдруг телеграмма. Прочла, и в глазах потемнело: ваш сын убит бандитами. Они, значит, к девушке приставали, а он заступился. Очнувшись на второй день, вижу: Клавдия Егоровна рядом. Снова заплакала я и прошу: отпусти меня в Луганск сына проводить. А она обняла меня: «Не нужно, Маша, тебе ехать. Нашего Николая мы родной земле отдадим». Потом уж узнала, что пока я в беспамяестве была, Клавдия Егоровна два автобуса в Луганск отправила, венки приготовила, оркестр вызвала. Всем колхозом сына хоронили, точно каждому он родным доводился. Студенты — друзья сына — из техникума приехали. Много о Николае добрых слов было сказано. Понятно, такому горю помочь нельзя, только если бы не Клавдия Егоровна... Долго еще потом она с меня глаз не сводила, одиночества не допускала. Чуть расслаблюсь, она тут как тут.

И как бы прогоняя боль воспоминаний, Силакова распахнула дверь. По двору она шагала быстро, деловито.

— Семь лет назад я сто коров приняла. Теперь же только на этой ферме их больше четырехсот. «Елочки» установили. Ферму новую вот-вот строить начнем — кирпичную, на восемьсот голов. Чего там только не будет: и «карусель», и механизация полнейшая, и даже душ для доярок!.. Умеет председатель наш вперед смотреть!

— А где сейчас Клавдия Егоровна?

— В детском саду. Она часто туда навещается...

Широко развернулось строительство в колхозе. На снимках — добыча глины для кирпичного завода и каменщик И. В. Ковалев за работой.

О С Е Л Ь Ч А Н

Каждое утро повозка на мягких рессорах, запряженная резвой рыжей кобылкой, собирает ребятшек по селу и доставляет их к аккуратному каменному домику. Даже самые маленькиие, завидев повозку, не плачут: они знают, что в доме том их ждут добрые няни, интересные игрушки, вкусные кисели, супы и каши.

Под ребячий гомон и смех я разговариваю со старшей няней Марией Павловной Силаковой.

— Да вот пять минут как уехала. Заезжала разметку будущего нашего сада посмотреть. Ну, конечно, как всегда, спрашивала: не нужно ли чего мальцам нашим. Вот записку к бухгалтеру дала, машину выделила...

Узнаю, что детских садов с ясельными группами в колхозе пять. В них на полном обеспечении артели воспитываются триста ребят. Еще недавно детские сады работали сезонно — с весны до осени. Но теперь их сделали круглогодичными.

Я еще не представляю себе внешнего облика Клавдии Егоровны, но уже успел заметить: когда речь заходит о ней, в голосе рассказчика появляются нотки теплого и какого-то горделивого уважения.

— Душой за ребят болеет: сама-то она в сиротстве выросла, детства и не видела. Да и старых она заботой не обделяет,— говорит пожилая няня с морщинками у серых глаз.— Взять меня. Сейчас я сама на посильную работу вызвалась, а если притомлюсь — пенсию от колхоза получать стану да еще продукты и топливо в придачу.

Няню перебивает девушка в белом халате — Маша Кленышева. Она фельдшер, в яслях проводила медосмотр малышей. Ей не терпится сказать о многом сразу. Маша показывает на соседнее достраиваемое здание с большими окнами.

— Видите, больница новая, оборудована будет не хуже городских, с родильным отделением. У нас и сейчас медпункт хороший есть. Только фельдшер не с каждой болезнью сам справится. Если нужно кого в город отправить или лекарства достать, я сразу к Клавдии Егоровне бегу. Она выручит! Вот, к примеру, у монтера Ивана Огаркова двойнята родились. Однажды стучится ко мне Иван чуть свет: спаси дочек! Заболели девочки диспепсией. Варвара же, мать их, сразу к врачу не обратилась, лечила дочек всякими «народными» средствами, вот и долечила. Посмотрела я на них — и ахнула. Сделала уколы, говорю: немедленно в больницу! Как тут Варвара заговорит: «Не отдам врачам, замучают дочек, исколют!» А спорить некогда, каждая секунда дорога. Прибежала я к Клавдии Егоровне: так, мол, и так. С полуслова она поняла меня — и к «газику» своему. Упрашивать Варвару не стала: некогда было. Приказываю, говорит, и точка!.. Теперь такие здоровые, озорные девчонки растут — прелестные! Или вот...

Я только успеваю записывать.

У дочери комбайнера Бирюкова Зины слабое зрение, ее хотели определить в специальную школу, где бы она могла и лечиться и продолжать учебу. Директор школы сперва обнадеежил девушку, а потом отказал ей в приеме. Клавдия Егоровна сама поехала в Курск и устроила ему «такую баню»!

...Уже за полдень, а я еще не встретил Борисенку. Спрашиваю у Марии Павловны:

— Куда же от вас она направилась?

— Вроде бы на кирпичный завод. Идите прямо и потом вправо...

* * *

Это действительно настоящий завод! Завывают моторы лебедок, как струны, натянуты стальные тросы. Из карьера, лязгая на рельсах, ползут вверх вагонетки, наполненные глиной. Клочковатые, рыжие куски породы перемалывает глиномешалка. Затем масса попадает в мощный пресс, а из него кирпич-сырец поступает на просушку в четыре цеха вместительностью по 50 тысяч штук каждый. И вот, наконец, гордость завода — большая кольцевая печь. Вся она смонтирована в землю. Через чугунные люки видно, как пронизывает сложенные в штабеля кирпичи слепящая буря пламени.

Здесь и познакомился я с бригадиром Григорием Дмитриевичем Мальцевым.

— Сегодня мать добрая...— довольно басит он.— Сказала, что пора к закладке второй печи готовиться, одной уже мало. Зато недавно она с нас такую стружку сняла — врагу не пожелаю!

Сейчас Григорий Дмитриевич вспоминает о случившемся с улыбкой, но, сдается, тогда ему было не до шуток.



Уборка не за горами. Клавдия Егоровна расспрашивает бригадира тракторной бригады Н. М. Ковалева, вся ли техника готова к страде.

— В тех вон цехах мы кирпич-сырец сушим. Все, кажись, по правилам. Только подметила Клавдия Егоровна, что желоба и канавки для водостока где засорились, а где и вовсе стерлись. Велела она их прочистить, чтобы на случай дождя цеха не залило. Дело-то пустяковое, а я забыл. И тут, точно назло, ливень разразился. Хлещет, проклятый, как из ведра. Вижу: «газик» председательский по лужам прыгает. Выскочила мать, сердющая. «Живо за лопаты! — кричит. — С тебя, директор такой-сякой, я за каждый кирпичик пропавший взыщу. Все убытки выплатишь!» А убытки немалые могли бы быть. Но ничего, отвели воду. Спасибо Клавдии Егоровне за урок, теперь-то я в оба гляжу.

Григорий Дмитриевич рассказывает историю завода. Кирпич строящемуся хозяйству нужен был позарез, но доставать

Теперь в летнем лагере не приходится доить коров руками: там установлена передвижная «елочка».



его приходилось раньше с бесконечными просьбами, по дорогой цене. Вдобавок траты на транспортировку, износ машин.

Решение Клавдии Егоровны по тем временам было смелым, даже дерзким. Она решила использовать глиняный карьер и создать свой, колхозный завод. Вызвали специалистов, закупили оборудование. И восемь лет назад колхоз получил первый собственный кирпич.

Теперь больше двух миллионов штук за год вырабатываем. Сотню домов для колхозников построили, школы, больницу, детские сады, медпункты, три конюшни, свиноферму большую, подстанцию, гаражи... А главное еще впереди. Да, верный у председателя прицел на завод был! — Мальцев хитро подмигнул: — Излишки мы, между прочим, продаем: соседей выручаем, и колхозу прибыль. А Клавдия Егоровна где? Она, если не ошибаюсь, в сторону школы укатила...

* * *

В учительской застаю директора восьмилетней школы Михаила Васильевича Красика, коренастого черноволосого мужчину с университетским значком на лацкане пиджака.

— Нет, — говорит он, — сегодня Клавдия Егоровна нас не навещала. Мимо проехала: или на свиноферму, или в полеводческие бригады. Я поражаюсь: как она везде успевает? Хозяйство огромное, растущее, 5 тысяч человек в колхозе, прибавьте депутатские дела — Клавдия Егоровна ведь у нас депутат Верховного Совета РСФСР. Но с каждым она рядом, будто именно твоими заботами и занята. Взять хотя бы нашу школу. По разным причинам не все семьи еще одинаково обеспечены. И ребенку обидно, конечно, когда товарищи его лучше одеты, портфели, скажем, или ручки красивые имеют. Женским чутьем уловила это Клавдия Егоровна. Вызвала меня перед Октябрьскими праздниками и говорит: «Составляйте список: кому из ребят что нужно». Впрочем, список этот не очень и понадобился: она всех — и детей и родителей — знает; ведь вот уж почти двадцать лет председательствует здесь. Вместе с ней и с бухгалтером колхозным в магазин пошли. Алле Андросовой из 6-го класса отрез на пальто купили. Братьям Ермаковым — два пальто и обувь: они без отца остались, а как одной поднимать детей, Клавдия Егоровна отлично знает: муж ее с войны не вернулся. А Витю Ковалева, который родителей потерял и у тетки живет, — того вообще с ног до головы одели.

Директор улыбнулся, но вдруг умолк на минуту, свел густые брови.

— С теми же, кто о родительском долге забыл, кто детей калечит, Борисенко беспощадна. И эта ее помощь школе, пожалуй, еще ценнее, чем материальная. Существует у нас такой Василий Гребенков, отец пятерых ребят. Дети приходили в школу голодные, с синяками, с невыученными уроками. Обманывать научились. А старший, Алексей, даже до воровства докатился. Почему? Отец вмертвую пил, жену и детей избивал. Уносил из дому и продавал все: вещи, продукты. Последний разговор с ним у Клавдии Егоровны коротким был. Так и отрезала: «Не прекратишь безобразия — к прокурору пойду. Вышлем принудительно, заставим работать и деньги на детей платить. Все!» Сейчас Гребенков притих. И, знаете, мальчики на глазах выравниваться стали. Да, от таких отцов детей спасать нужно. И права Клавдия Егоровна, решив уже этой осенью одиннадцатилетнюю школу-интернат строить...

На прощание директор говорит мне:

— Вы, конечно, заметили, что колхозники Клавдию Егоровну матерью называют? Вдумайтесь, — такая награда не меньше, чем ее звезда Героя Социалистического Труда.

...Уже темнело, когда я добрался до правления колхоза «Советская Россия». В окнах председательского кабинета горел свет.

За столом склонилась над бумагами маленькая женщина с седеющими волосами. На плечи ее был накинут простенький грубошерстный жакет. Она посмотрела на меня усталыми глазами, поздоровалась. Сказала, вздохнув:

— Корреспондент? Что ж, задавайте вопросы...

— Вопросов, собственно, уже нет, я все знаю...

Я узнал главное: Клавдия Егоровна Борисенко — настоящий коммунист и замечательный человек. Так говорят люди.

И. БОБРОВ

Фото А. ШАПИРО.

Колхоз «Советская Россия»,
Курская область.



К ЖЕНЩИНАМ ВСЕХ КОНТИНЕНТОВ

Обращение

Всемирного конгресса

женщин

Женщины, матери всех стран, всех континентов, дорогие сестры, дорогие подруги!

Мы, участницы Всемирного конгресса женщин, обращаемся ко всем вам. Мы, представительницы сотен миллионов женщин 110 стран, прибыли в Москву со всех концов земного шара: из Европы, Азии, Африки, Австралии, из всех стран американского континента, чтобы поделиться нашим опытом, нашими опасениями и нашими надеждами и совместно выяснить, что надо сделать для того, чтобы положить конец нашей тревоге и претворить в жизнь наши надежды.

Нас объединяет общее стремление к прочному миру для всех народов земного шара, хотя наши страны находятся на различном уровне развития, хотя мы различны по социальному происхождению, политическим взглядам и религиозным убеждениям.

Мы едины в своем стремлении завоевать для работниц, крестьянок, домашних хозяек, представительниц интеллигенции достойное и справедливое место в обществе и в семье, равенство прав и обязанностей, которое позволит нам полностью развить наши способности, участвовать во всех областях в прогрессе человечества. Миллионы женщин уже завоевали экономические, социальные и политические права и борются за их укрепление и расширение. Миллионы женщин участвуют в построении нового общества на основе полного равенства с мужчинами.

Подвиг Валентины Терешковой и Валерия Быковского блестяще доказывает, что наши мечты могут стать действительностью.

Мы едины в твердой решимости завоевать счастье для наших детей, дать всем детям земного шара здоровую, счастливую, плодотворную жизнь. Женщина — мать всех детей мира. Мы не можем мириться с тем, что в век научного и социального прогресса, в котором мы живем, миллионы детей лишены радости, голодают, остаются неграмотными, подвергаются эксплуатации, обездолены, обречены на преждевременную смерть.

Мы не можем мириться с пропагандой вражды и ненависти между расами и народами, с тем, что силы реакции и войны имеют возможность отравлять умы и развращать души молодежи.

ЖЕНЩИНЫ ВСЕХ СТРАН И ВСЕХ КОНТИНЕНТОВ!

Мы призываем вас неустанно бороться, не страшась трудностей и жертв, ради завоевания и в защиту прав женщин во всех областях — права на труд, здравоохранение, отдых, культуру, экономических, гражданских и политических прав, чтобы создать в наших странах и на всей земле необходимые условия счастливой жизни для каждой семьи, дающие возможность воспитывать поколения детей, воодушевленных великим идеалом мира и дружбы между народами, социального прогресса, гуманизма.

Для претворения в жизнь этого законного стремления к счастью необходимы мир и дружба между народами.

ДОРОГИЕ СЕСТРЫ, ДОРОГИЕ ПОДРУГИ ВСЕЙ ЗЕМЛИ!

Мы встревожены растущей опасностью, которую создает гонка вооружений, могущая привести к термоядерной катастрофе, чреватой серьезнейшими последствиями для всего человечества.

Колоссальные ресурсы бросаются в бездну, поглощаются производством средств разрушения и уничтожения.

Сознавая свою ответственность за будущее наших детей и за судьбы мира, мы полны твердой решимости вносить все больший вклад в борьбу за устранение угрозы войны.

Мы хотим принимать участие в строительстве прочного мира. Мы хотим построить прочный мир. Мы не хотим войны, и мы убеждены, что конфликты между государствами могут быть разрешены путем мирных переговоров.

Мы хотим работать для того, чтобы установить во всем мире мирное сосуществование между государствами с различным социальным строем на основе взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, ненападения, невмешательства, равноправия и взаимных выгод. Мы хотим добиться всеобщего, полного и строго контролируемого разоружения, в первую очередь термоядерного разоружения.

Мы призываем вас:

Бороться вместе с нами без отдыха и передышки, чтобы добиться прекращения ядерных испытаний, создания безатомных зон, ликвидации военных баз и отзыва войск с иностранных территорий;

Поддерживать выступления деятелей, организаций, правительств, всех тех, кто действует в этом направлении;

Увеличивать число выступлений женщин за мир, мирное сосуществование, разоружение.

Разоружение будет одной из величайших побед миролюбивых людей. Оно будет содействовать установлению всеобщего мира, создаст условия для подлинного равенства между народами, высвободит огромные материальные и людские ресурсы для мирного труда, поставит науку на службу человечеству.

Разоружение не разрешит всех неразрешенных социальных и других проблем, но оно создаст условия, соответствующие интересам народов.

Дело разоружения и мира неотделимо от дела народов, борющихся за свою национальную независимость.

Недопустимо и позорно для человечества, что миллионы мужчин, женщин, детей находятся еще в колониальном рабстве, что многие страны Африки, Азии, Латинской Америки находятся еще в экономической зависимости от империалистических государств, что через 18 лет после разгрома Гитлера еще существуют фашистские диктатуры.

Все народы должны иметь возможность жить свободными и независимыми, выбирать для себя образ жизни и общественный строй.

Мы солидарны с женщинами, с народами, борющимися против всех видов империалистического гнета, всех форм колониализма и остатков феодализма, за свое освобождение и национальную независимость.

Мы солидарны с женщинами, борющимися и страдающими в ужасных условиях фашизма. И мы боремся за то, чтобы ни одна женщина не находилась в тюрьме за то, что она защищала своих детей, свободу, мир.

ЖЕНЩИНЫ, МЫ, ДАЮЩИЕ ЖИЗНЬ, ДОЛЖНЫ ЕЕ ЗАЩИЩАТЬ.

На нас ложится большая ответственность в деле защиты наших прав, счастья наших детей, защиты мира и права народов на независимость, но мы исполнены большой веры в свои силы.

Мы представляем большую половину человечества. Наша мощь в нашем единении, которое дало возможность избежать до сих пор ужасов третьей мировой войны.

То, что нас объединяет, представляет большую силу:

Это любовь к нашим детям, дружба и солидарность между женщинами и народами всего мира, это наше стремление к миру, справедливости, прогрессу и счастью всего человечества.

Мы объединились, чтобы собрать и привести в действие все силы против опасности войны, чтобы обеспечить прочный мир на всем земном шаре.

ЕСЛИ МЫ ЗАХОТИМ, ЖИЗНЬ ВОСТОРЖЕСТВУЕТ!

Москва, 24—29 июня 1963 г.



Рядом с Фрумой Григорьевной Михаленко, бывшей славной партизанкой, за голову которой фашисты сулили большие деньги, остановилась черноногая девушка.

— Издалена? — спрашивает Фрума Григорьевна и показывает рукой вдаль: приходится прибегать к жестам, когда рядом нет переводчи-ка.

— Да нет, всего четыре часа езды, — на чистейшем русском языке отвечает негритянка. — Я учусь здесь. В медицинском.

И она записывает на память в блокнот удивленной Фруме Григорьевне: «Омог Гертруда, г. Калинин, ул. имени 15-летия Октября...»

У себя на родине, в Камеруне, Гертруда была медсестрой. Теперь она учится на гинеколога.

— Пона еще врачей у нас единицы. На каждого медработника — более 2500 человек. Во многих селах и представления не имеют о гигиене... В общем, работы хватит, когда вернусь домой.

О своей учебе Гертруда рассказывает с восторгом. Несколько раз мелькает в ее рассказе слово «серьезный».

— Очень серьезная подготовка. У меня подруга училась в Париже — жалуется, почти не было практики по анатомии. Все зубри по лекциям. Преподаватель говорит: скелет можете купить сами. Выходит, кто богатый, тот и учись...

— Я тоже была медсестрой, — задумчиво говорит Фрума Григорьевна. — Только вот училась я в боях.

Гертруда уважительно трогает боевые награды своей новой знакомой:

— Ты воевала за мир. — И добавляет изволнованно: — Спасибо!



Люба Кравченко — самая молодая из советских делегаток. Ей двадцать четыре года. Работает она на Братской ГЭС крановщицей и одновре-



Александра МОНАХОВА,
директор совхоза «Коммунарка», Московской области,
член советской делегации на Всемирном конгрессе женщин.

Дающие Жизнь-

менно учится на втором курсе Ирнутского политехнического института.

Люба родилась в Харьковской области, в деревне Грушеваха. Еще в школе она мечтала уехать в Сибирь, в Братск, о котором много писали в газетах. И вот она на стройке электростанции. Пять лет Люба работала на самом трудном участке, в котловане. Даже в пятидесятиградусные морозы она не покидала своего поста; управляла огромным порталным краном, укладывавшим бетон в плотину гидростанции.

Люба — строитель. Она любит жизнь, людей, технику, которая позволяет создавать такие чудеса, как Братская ГЭС и космические корабли. Она приехала в Москву, чтобы вместе с женщинами всего мира осудить тех, кто разжигает новую войну.

Делегатка
КОНГРЕССА



Двадцать лет назад в предместьях Лондона во время налета немецких бомбардировщиков учительница Ильяза Лейден родила сына Майкла. Неподалеку от госпиталя разорвалась бомба. На всю жизнь остались в памяти Ильзы гул вражеских самолетов и грохот взрывов, ослепившие ее материнскую радость.

Ильза уговорила мужа уехать из Англии в страну, над которой никогда не рвались бомбы и не летали военные самолеты: они эмигрировали в Австралию. Ильза растила сына и двух дочерей и чувствовала себя счастливой.

Но вот в Австралии появились американские базы подводных лодок, вооруженных ракетами «Поларис». Над Сиднеем все чаще стал раздаваться гул военных самолетов. И Ильза поняла: она больше не может сидеть сложа руки, как прежде. Она решила бороться. Вместе с тысячами женщин и мужчин она поставила свою подпись под переданной австралийскому парламенту петицией о ликвидации баз и запрещении ядерного оружия и о создании в Антарктиде безъядерной зоны, выходила на демонстрации протеста против создания американских военных баз. Ильзу выбрали в исполнительный комитет организации «Женщины за мир!» штата Новый Южный Уэльс. Женщины Австралии послали ее своим делегатом на Международный женский конгресс в Москву.

Вопреки традиции рассказ о форуме матерей мира хочется мне начать с конца.

Москва давала гостям прощальный концерт. Сменяли друг друга известные певцы, артисты балета. Под восторженный ливень аплодисментов проплыла по сцене «Березка».

Но вот в раскатах оркестра — гнев и мужественно сдерживаемая боль: «Люди мира, на минуту встаньте...»

По огромному занавесу бегут кинокадры. Только что с экрана улыбались счастливые ребячьи лица. Сосредоточенный малыш делал первые шаги, оберегаемый трепетными руками матери. И вдруг... Маршируют шеренги фашистов с остекленевшими в фанатичном садизме глазами. Девочка в разорванной рубашонке мечется по дымящемуся пепелищу. Люди-скелеты прикинули в тщетной надежде к колючей проволоке...

Голоса хора до отказа заполняют просторный зал Дворца съездов. «Берегите! Берегите! Бе-ре-ги-те мир!» Стоя, все мы повторяем эти слова, как клятву. Белые, черные, желтые руки сплетены над головой...

И тут я замечаю, что рука моей соседки, учительницы с Орловщины Нины Савельевны Гусевой, вздрагивает. Это о ней и ее товарищах по лагерям смерти поется в песне. Почти два года не было у Нины Савельевны имени — только знак заключенной. Фашисты расстреляли ее мужа-партизана. От недоедания умер единственный сынишка...

Сидящая рядом с нами молодая немка — знатная свинарка из ГДР — тоже смахивает слезы и, бережно обнимая Нину Савельевну за плечи, убежденно повторяет одно и то же слово: «nie!» Это слово в переводе означает: «никогда», «ни за что»...

Память. Никуда от нее не скроешься. Вот уж почти двадцать лет прошло, а раны, оставленные в наших сердцах войной, все еще кровоточат. Не может забыть о погибших сынах Надежда Григорьевна Заглада. Помнит мужа Елена Федоровна Терешкова, в 27 лет оставшаяся вдовой с тремя ребятишками на руках. Ох, как длинен он, этот список! Пройди-ка по домам нашего совхоза, посчитай, у скольких женщин — а их в «Коммунарке» работает более тысячи — отняла война надежную мужскую поддержку, радость материнства. Я тоже разделила эту горькую долю — сына растила одна, отца он знает только по фотографиям...

Да, мы помним все. Память заставляет нас твердо бороться за самое дорогое на земле — мир.

Тревогу за спокойствие на земле разделяют с нами матери всего мира. Именно поэтому они оставили свои дела, свои семьи и приехали в Москву на конгресс. Около двух тысяч делегатов из 114 стран собрались в Кремлевском Дворце съездов. И первое слово на их устах было — «мир».

«Борьба против угрозы термоядерной войны стала важнейшим стимулом укрепления интернационального сплочения женщин, — говорится в послании Н. С. Хрущева конгрессу. — Эта борьба цементирует международное женское движение, объединяет всех его участниц независимо от цвета кожи, от политических и религиозных воззрений».

Пожилая негритянка из США Билли Эшби начала свою речь с вознесения хвалы господу богу. Ее религиозных взглядов мы не разделяем, но когда она потребовала: «Отвести зловещую тень атомной бомбы!», — мы горячо аплодировали ей вместе со всем залом.

— Что же, вы и с госпожой Кеннеди думаете договориться? — спросил кто-то во время подготовки конгресса Долорес Ибаррури.

— Да! — ответила в своей речи на конгрессе легендарная Пасионария. — И с госпожой Кеннеди мы думаем договориться, если она выразит готовность сотрудничать с женщинами всего мира. Она тоже мать...

Эмблемой нашего конгресса были три женщины — белая, черная и желтая, — покрывшие головы одним большим платком цвета неба.

Эмблема очень хорошо выражает настроенность конгресса. Атмосфера удивительной теплоты царила на нем. Женщины дарили друг другу значки, фотографии детей, обменивались адресами. Вот выступила делегатка Голландии — и к ней бегут индонезийки, представительницы страны, долгие годы угнетавшейся голландскими колонизаторами. Они прекрасно понимают, что горе и нищете в их стране сеяли не простые люди Голландии, а кучка империалистов.

Японки дарят конгрессу карту своей страны, на которой вышиты 200 американских баз — этих «очагов войны», как называют их в Японии. Спускающихся со сцены японок обнимают американки. Они обещают усилить борьбу за вывод войск, находящихся на чужих территориях.

На конгрессе не чувствовалось и тени превосходства одной нации над другой, пренебрежения к кому бы то ни было. Какими орденами награждали дочерей Африки, решительно осуждающей от пут колониализма!

Защитим ее!

Мне хотелось бы, чтобы люди, рассуждающие о «неполноценности» черной расы, послушали их выступления на конгрессе — хотя бы доклад представительницы Мали Ауа Кейта. Она удивительно мудро проследила историю колониализма, разоблачила вымыслы империалистов, якобы принесших цивилизацию и счастье народам отсталых стран. С помощью ярких фактов, цифр Ауа Кейта доказала, что по-настоящему и экономика, и культура, и благосостояние народа развиваются лишь в странах, ставших независимыми.

— Женщина может успешно выполнять свою роль в обществе лишь в том случае, если ее родина свободна и суверенна! — заявила Кейта.

...Когда я вернулась после конгресса в совхоз, много было расспросов. Всех интересовало: а что же было самым ярким, запоминающимся?

Столько вместила в себя эта неделя, что и слов не хватает! Словно объехала я весь мир, увидела многих замечательных женщин земли. На конгрессе встретилась я и с нашей Чайкой — очень простой, очень сердечной и, я бы сказала, очень нашей.

Валя была настоящей героиней конгресса. По ее «вине» задерживались заседания. На столе перед Валей собирались целые музеи. Те, кто не успел приготовить специального подарка, снимали с себя бусы, браслеты.

Это была демонстрация любви и уважения не только к первой женщине, слетавшей к звездам. Во всех речах, где упоминалось имя Вали, звучало и огромное уважение к стране, сделавшей женщину крылатой.

Одна из делегатов рассказала: американская газета написала, что американцы, видите ли, не посылают женщину в космос просто потому, что их мужчины — настоящие рыцари.

— Но разве ущемление прав женщин — это рыцарство? — воскликнула выступающая. — Если подходить с позиций подобного «рыцарства», можно договориться и до того, что и работу женщине в капиталистическом мире трудно получить потому, что добренькие хозяева берегут ее силы и здоровье. Может, поэтому ей затрудняют доступ и к образованию?

Делегатки конгресса работали в различных комиссиях. Я принимала участие в заседаниях комиссии по правам женщин. Много пришлось услышать горьких рассказов. Вот о чем поведала делегатка Парагвая.

Беременных женщин увольняют с работы под любым предлогом. Предприниматели придумали так называемый трехмесячный испытательный срок, за который женщина получает лишь половину полагающейся зарплаты. А прошло три месяца — хозяин увольняет ее как «несправившуюся». Неважно, что на самом деле она, возможно, работала очень хорошо. Хозяину невыгодно платить ей полностью, если на ее место найдется много желающих проходить «испытательный срок».

В сельском хозяйстве страны господствуют американские компании. Крестьянок заставляют работать по

12—14 часов в сутки. О транспорте хозяева не заботятся: усталые женщины порой несколько километров плетутся пешком. Распространены факты изнасилования работниц надсмотрщиками.

Многие из выступавших с восхищением говорили о социалистических странах, о первой по-настоящему свободной стране западного полушария — Кубе.

Прошлым летом в составе советской делегации мне посчастливилось побывать на острове Свободы. Своими глазами я видела, какую огромную роль играют сегодня кубинки в жизни своей страны, какие права даны им. Они везде плечом к плечу с мужчинами: и в рядах народной милиции и в отрядах по ликвидации неграмотности. Почти целиком на их плечах здравоохранение, широко развернувшаяся сеть детских учреждений, общественное питание.

Пример Кубы — лучшее доказательство того, как тесно связана борьба за независимость страны с борьбой за права женщин...

С раннего утра до поздней ночи шло на конгрессе обсуждение докладов, выработка документов. Ведь по любому вопросу нужно было найти формулировку, удовлетворяющую всех.

Конгресс принял Обращение к женщинам всех континентов. За него проголосовало абсолютное большинство делегатов. И только делегации двух стран голосовали против. Нам очень жаль, что ими оказались представительницы Китая и Албании. Они все время вносили разноречивую работу комиссий; зло и несправедливо обвиняли МДФЖ в отсутствии демократизма, в том, что конгресс якобы «принял ряд документов, по существу, оказывающих услугу империализму» и т. д.

Свою позицию они обосновывали тем, что в наше время, пока еще существует империализм, мир якобы невозможен.

Что ж, и мы не закрываем глаза на существование империализма. Но зачем же нам доказывать преимущества своей системы обязательно с помощью силы?

В споре к крику да кулакам прибегает лишь слабый. Мы сегодня сильны, как никогда. И мы твердо верим, что победа в мирном соревновании с империализмом будет за нами.

Люди устали жить в страхе перед завтрашним днем. Они хотят крепкого, надежного мира — уже сейчас, сегодня. И мы приложим все силы к тому, чтобы этот мир обеспечить.

...На одном из последних заседаний делегатка Австралии преподнесла конгрессу бумеранг — заостренный изогнутый деревянный предмет, который делается с «секретом»: он возвращается туда, откуда запущен.

— Я верю, что и мы все, как этот бумеранг, будем собираться на женских конгрессах вновь и вновь, — сказала австралийка. — Пусть к следующему конгрессу будет выполнено все, о чем мы говорили здесь.

Хочется присоединиться к ее словам. Пускай станут явью мечты всех матерей мира!



Делегатка КОНГРЕССА

Ей всего тридцать, а седина уже припорошила угольные пряди, выбивающиеся из-под траурной косынки. Ссутулились плечи. Глаза стали бездонными...

Где бы ни появлялась эта женщина, около нее собиралась сочувствующая, ободряющая толпа. Каждой хотелось чем-нибудь помочь Тамине Адиль, переложить на свои плечи хотя бы частичку ее огромного горя. Совсем недавно муж Тамини Салаям Адиль, секретарь ЦК Компартии Ирана, был зверски замучен путчистами, захватившими власть в стране.

— У него были такие глаза! Они были мне дороже своих. А палачи вырезали эти глаза!

Огромная, но очень нелегкая любовь выпала на долю этой худенькой женщины. Она знала, на что шла, знала, что в ее стране не розами усыпан путь борцов за свободу и справедливость. Но, раз выбрав этот тяжелый, но благородный путь, она не сворачивала с него. За «неблагонадежность» Тамину в юности исключили из гимназии и предупредили, что она не сможет получить образование ни в одном учебном заведении страны. Накануне свадьбы ее Салаяма арестовали, и она верно ждала его долгих четыре года...

— Больно, очень больно! — говорит Тамина, и голос ее перехватывает волнение. — Девочки со мной. Старшая все время спрашивает об отце, а у меня не хватает сил рассказать. Маленький сынишка остался на родине. Что с ним, не знаю...

Она обводит глазами обступивших ее женщин:

— Сестры, нужно торопиться! Сегодня, сейчас летят кровь новых жертв! Об этом должен узнать весь мир!

И мир узнал о зверствах «национальной гвардии». Тамина говорила с высокой трибуны конгресса.

Падают в зал горестные имена. Схватена писательница Сафира Джамила Хафез — генеральный секретарь Лиги иранских женщин. Всего год назад она сидела здесь, во Дворце съездов, на заседаниях конгресса по разоружению. Палачи изочерненно пытали ее, до смерти замучили на ее глазах мужа. После смерти тело его бросили в камеру Сафиры и не убили несколько дней. Находится в застенке Закис Шахер, одна из организаторов женского движения, мать двоих детей. Несколько раз теряла сознание от большой потери крови Лейла аль Руми...

Голос Тамини крепнет и звучит увереннее. Перед нами уже не просто несчастная женщина в трауре, потерявшая самого дорогого человека, — перед нами мужественный борец.

Фото С. ВЕТЧИНИНА.

ВЕК СПУСТЯ

Сто один год назад, в 1862 году, во время гражданской войны между рабовладельческим плантаторским Югом и буржуазным Севером, Авраам Линкольн, президент США, подписал прокламацию об освобождении негров-рабов: рабы объявлялись свободными начиная с 1 января 1863 года. Север победил в 1865 году, и в том же году президент Линкольн был смертельно ранен убийцей, подосланным рабовладельцами.

В Вашингтоне стоит памятник Аврааму Линкольну: человек с суровым и мужественным лицом, задумавшись, сидит в кресле. В прошлом году в день столетней годовщины подписания Прокламации вокруг памятника собралась тысячная толпа: сюда пришли негры и белые из Вашингтона, Нью-Йорка, из других городов ближайших штатов. Когда люди подошли к памятнику, они увидели: на пьедестале углем намалевано излюбленное ругательство американских расистов: «Покровитель ниггеров» (ниггер — презрительная кличка негров в США). Поодаль стояли и улюлюкали расисты, члены ку-клукс-клана, специально приехавшие с Юга, чтобы сорвать митинг, молодежки из фашистской партии и «Американского легиона». В толпе сновали полицейские с дубинками. Митинг все-таки состоялся. Много горьких и гневных слов было сказано здесь, у памятника Линкольну, о том, как живет в Америке 18-миллионное негритянское население, которое фактически не пользуется свободами, предоставленными ему конституцией. Из-за цвета кожи граждане Америки — негры считаются людьми «второго сорта».

Лидер негритянского движения священник Мартин Лютер Кинг произнес речь и был тут же арестован. Обстановка накалилась: вот-вот готово было вспыхнуть побоище. Понукаемая полицейскими, толпа медленно расходилась. Ветер разносил по площади обрывки лозунгов: «Свободу через сто лет!» Так закончился этот невеселый юбилей.

ЕСЛИ ТЫ АМЕРИКАНСКИЙ НЕГР...

Прокламация, которую подписал Авраам Линкольн, освобождала негров-рабов, но не наделяла их землей. И негры попали в экономическую кабалу к прежним хозяевам. Прошел век. А негры и по сей день — самые бесправные граждане Америки. Речь идет, конечно, не о негритянской буржуазии и верхушке ин-

теллигенции — таких немного, — а о негритянском народе. Негров последними берут на работу и первыми увольняют. Негры-рабочие выполняют в основном «черную» работу: неграм гораздо труднее получить образование и квалификацию. В южных штатах, где их бесправие ощущается особенно остро, негры работают в основном батраками у крупных землевладельцев, и их жизнь весьма мало отличается от той, какую владели рабы: попробуй кто-нибудь потребовать увеличения заработной платы или улучшения условий труда, и он лишится не только работы, крова и куска хлеба — его могут убить.

В городах негры — это официанты, мусорщики, рассыльные, грузчики. И живут они отдельно от белых, в особо выделенных негритянских районах — гетто. В Нью-Йорке негритянское гетто — знаменитый Гарлем — это огромный город отверженных. Есть такое гетто и в столице США — Вашингтоне.

На юге США негры фактически лишены права голоса. Когда в Теннесси они попытались зарегистрироваться в списках избирателей, местные землевладельцы, сговорившись, выгнали их с работы, из домов, в лавках им отказывались продавать продукты. Негры и их семьи оказались под угрозой голодной смерти. Это было три года назад. Негры тогда не смирились. Они ушли из города и поселились прямо в поле. Свой палаточный городок они назвали «Городом свободы». Со всей страны тогда в Теннесси и негры и белые стали посылать продукты питания и одежду. В этой солидарности была первая крупная победа, одержанная неграми.

«У МЕНЯ НЕТ РОДИНЫ, У МЕНЯ НЕТ ФЛАГА...»

Эти горькие слова сказал негритянский мальчик из Сан-Франциско. Их могли повторить миллионы негров, все американские граждане, перед которыми закрыты двери «белых» школ и университетов, театров, кино и закусочных, те, с кем белые отказываются жить по соседству и ездить в одном автобусе, те, для кого повсюду висят оскорбительные надписи «Для цветных».

«У меня нет родины» — эти слова могла бы сказать девочка-негритянка из Литл-Рока, которая шла в школу под дикий визг, вой, свист, угрозы сотен взрослых людей — и мужчин и женщин. Они готовы были растерзать ее только за то, что она, негритянка, собиралась сесть за парту рядом с белым ребенком!

Это было в 1954 году, когда Верховный суд США под давлением прогрессивного общественного мнения в стране, да и во всем мире, запретил разде-

ление детей в школах. Закон этот вызвал расистский террор, особенно на Юге. Вооруженные полицейские с большим трудом сдерживали толпу озверевших изуверов, вопивших: «Линчевать черномазую!»

До сих пор только один процент американских школ — смешанные. В южных штатах местные власти открыто не выполняют постановления Верховного суда США, а на Севере, особенно в штате Нью-Йорк и в округе Колумбия, где находится столица Вашингтон, используются тысячи уверток, чтобы не допустить смешанное обучение. Белые даже уезжают из районов, где есть школа совместного обучения, а так как негры живут обособленно, то такое разделение школ «для цветных» и «для белых» фактически сохраняется повсюду.

Так от рождения до смерти негры — пасынки на своей земле, в «белой» Америке.

«МЫ С ПУТИ НИКОГДА НЕ СВЕРНЕМ!»

Американским историкам обязательно придется изучать, когда началось превращение страдающего, но покорного негра-раба в борца за право гражданства на своей собственной земле, в человека, твердо знающего, чего он добивается.

Конечно, им придется сказать о том, что в этом превращении огромную роль сыграла освобождающаяся Африка. Разве могли негры и дальше мириться со своим бесправием, если на их древней родине, откуда в цепях вывозили в Новый Свет их предков, сотни миллионов разорвали цепи угнетения и рабства!

История негритянской борьбы в Америке, очень сложная и длительная, в последние годы развивалась стремительно. Еще в конце 50-х годов американские газеты писали о «сидячих демонстрациях» негров как о сенсации: «Негры поодиночке, по два-три человека входили в кафе или в автобус «только для белых» и молча сидели часами, держа в руках лозунг «Хватит издевательств!». Потом в «сидячих демонстрациях» стали участвовать сотни людей: учителя, студенты, даже школьники. К ним стали примыкать белые студенты колледжей и университетов. Негритянские бойкоты и демонстрации, пикеты и митинги вошли в повседневную жизнь Америки. Все это была ненасильственная борьба. Ее возглавил Мартин Лютер Кинг.

1960 год ознаменовался «рейсами свободы». Началось с того, что негры и белые — члены Ассоциации содействия прогрессу цветного населения — отправились на автобусе с Севера на Юг по всей стране в знак протеста против надругательства над неграми на транспорте. Участники мирного похода были избив-

„СВОБОДУ — СЕЙЧАС“

ты расистами, как только пересекли границу штата Алабама, а затем брошены в тюрьму властями штата. Тогда в поход отправились десятки автобусов. В штатах Алабама, Джорджия, Миссисипи запахло дымом: расисты взрывали, жгли автобусы. Участников походов избивали до полусмерти, а полиция затем арестовывала избитых за «организацию беспорядков».

«Сидячие демонстрации» и «рейсы свободы» возникали почти ежедневно. И это «не из-за жалкой чашки кофе» в кафе, как сказал негритянский писатель Болдуин, и не из-за места в автобусе, а ради права жить, работать и считаться людьми в стране, которую их предки помогли создать и обогатить.

Многие сотни участников «сидячих демонстраций» попали в тюрьмы. В тюрьме и сложена песня, которую часто распевали на демонстрациях:

*...Мы с пути никогда не свернем,
Мы себе никогда не изменим,
Пока свободы нашей не обретем,
Пока равенства стяг не поднимем!*

БИТВА В МИССИСИПИ

Первое настоящее сражение произошло в маленьком университетском городке Оксфорде, в штате Миссисипи: 23-летний негр Джеймс Мередит решил поступить в Миссисипский «белый» университет. Для этого потребовалось решение суда. Но расисты Миссисипи во главе с губернатором поклялись: негр не переступит порог университета.

Президенту пришлось выслать в Оксфорд войска, чтобы помочь только одному негру войти в университет: на карте стоял престиж американского правительства. Только с помощью штыков Мередит попал на студенческую скамью. Его жизнь до сих пор в опасности. За ним вот уже второй год по пятам ходит вооруженная охрана. Не правда ли, прекрасная реклама «равных прав для всех», которые обещал президент Кеннеди во время вступления в должность?

Но Мередиту дает мужество сознание, что его пример необходим негритянской молодежи, что за ним миллионы американских негров. «Я не один» — под таким заголовком была опубликована его статья в американских газетах. А через год в городке Таскалуса в Алабаме уже двое негров, юноша и девушка — Джеймс Худ и Вивиан Мэлон, — поступили в Алабамский университет. И хотя им пришлось ломать «цветной барьер» тоже с помощью солдатских штыков, это была еще одна победа негров за гражданские права.

КАК В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Весной этого года сотни негров выступили в городе Гринсборо, в том же штате; они потребовали, чтобы их зарегистрировали в списках избирателей.

Выступление негров развязало расистский террор в Миссисипи: избияния, повальные аресты, взрывы в негритянских церквях. Демонстрации продолжались. Обстановка накалялась. И через два месяца произошел взрыв. Как никогда расистское изуверство показало себя в Бирмингеме, штат Алабама. Демонстрации негров вызвали полицейский террор и насилие.

«Кровавый Бирмингем», «Бомбингем» — так окрестили этот город по всей Америке. Волна за волной шли демонстрации. Негров избивали, бросали в тюрьмы. Но на улицы выходили все новые и новые борцы. Они скандировали: «Свободу, свободу сейчас!»

Власти штата — заядлый расист губернатор Уоллес, шеф полиции О'Коннор по прозвищу «Бык», крупные промышленники и землевладельцы — не ожидали такого организованного сопротивления негров. Испытанные средства — дубинки, бомбы со слезоточивым газом, зверские избияния — не помогали.

Мирные демонстрации выливались в настоящие сражения. Против полицейских, вооруженных до зубов, негры выступали с камнями, палками.

Правительство увещевало Уоллеса и «отцов города», но кровавые стычки и взрывы в негритянских гетто продолжались. Президент снова вынужден был прибегнуть к помощи федеральных штыков: он выслал в Бирмингем около 600 солдат с автоматами и газовыми гранатами, бронированные машины с пулеметами.

Но все — и правительство и власти — проглядели, что бирмингемские «беспорядки» — это на самом деле начало настоящей негритянской войны, что борьба американских негров вступила в новую фазу: эта борьба вышла из рамок ненасильственного сопротивления, и лидер негритянского движения Кинг превратился в вождя насильственной борьбы: стихия движения бросила его в гущу событий, хотя он и проповедует «ненасильственное сопротивление».

Негритянская война перекинулась сначала на другие штаты Юга, а затем и на Север, который защитники «американского образа жизни» пропагандировали как пример «мирного постепенного изменения расового неравенства».

У негров появилась очень четкая программа: свободу не когда-нибудь, а сейчас, гражданские права такие же, как у белых. «Соединенные Штаты сейчас имеют дело с революцией чернокожих — единственно подлинной революцией, которая когда-либо совершалась в стране и которая должна победить», — говорится в заявлении группы прогрессивных комментаторов, опубликованном в американской печати.

Это поняло и правительство. Президент срочно внес на обсуждение конгресса законопроект «о гражданских правах». Но даже этот законопроект расисты в конгрессе не хотят утвердить.

Американские негры устали ждать. Им не нужна еще одна бумажка, которую по традиции, существующей с давних пор, положат под сукно.

Многие, следящие за событиями в «демократической» Америке, спрашивают: почему в Америке так силен расизм? Почему там свирепствует террор, подобный тому, который был в нацистской Германии? Почему президенту нужно посылать войска, чтобы были соблюдены хотя бы постановления федерального суда?

Ответ прост: потому что подлинным хозяевам Америки выгодно рабство негров; потому что негры — это дешевая рабочая сила. И любой президент США, даже если он и хотел бы прекратить события, позорящие Америку перед всем миром, не в силах ничего изменить, да и не хочет он идти против сильных, против тех, кто диктует законы и в чьих руках фактическая власть в стране.

Писатель Джеймс Болдуин сказал: «Нас всегда ушло в прошлое то время, когда можно было надеяться, что негры «подождут». Сейчас не негры должны приспособливаться к жестокому режиму расистов в жизни Соединенных Штатов, а Соединенные Штаты должны приспособливаться к реальной действительности современного мира».

В Америке бушует негритянская революция, и ее пламя уже не затушить.

С. СЕРГЕЕВА



Так расправляются с неграми оголенные расисты на улицах Бирмингема и других американских городов. Их сбивают с ног дубинками, водой из брандспойтов, на них натравливают собак.

Фото из журнала «Лайф». США.



СОТИРОВКА СЕМЯН.

Станица Голубицкая расположена на самом берегу Азовского моря. Там, в колхозе «Путь Ленина», я познакомилась со славными девушками. И мне захотелось нарисовать их портреты, показать, как они трудятся. Позировали девчата с удовольствием, хотя свободного времени у них не так уж много. Рисовала я и в поле, и на току, и просто на улицах станицы. На основе тех моих зарисовок и выполнены литографии, которые вы видите.

Художница Н. ЕВЛАНОВА.

ЗАСЫПКА СЕМЕННОГО ФОНДА.





ДОРОГА В НОВЫЙ ПОРТ.

А. ПОПОВ.

ПОИСК

— Я считаю: несерьезный у них подход, — упрямо повторил Алиев. — Почему же я не должен был дать отпор?

В самом деле: почему не должен? Быть может, как раз должен? Хуршудова знает, что Алиев гораздо старше ее, и в партийных органах он работает намного дольше. Но сегодня он ждет совета от нее.

Дело как будто несложное. Побывав Алиев на отчетно-выборном собрании в колхозе имени Жданова — слабом хозяйстве, где половину хлопка прошлой осенью оставили в поле, на трудодни выдали гроши. Причина тамошних неустойчивостей была известна и парткому и производственному управлению: долгое время хозяйством, по существу, никто не руководил. Председатель появлялся в колхозе не раньше десяти утра, отбывал не позже шести вечера. Конечно, от него пришлось освободиться, и против этого ни один член артели не возражал. Другим смутили они Алиева. Потребовали снять вместе с председателем бухгалтера — родственника секретаря колхозной парторганизации, кассира, учетчика, кладовщика. А почему? Да ведь денег и продуктов на трудодни выдали мало, а кто их распределял? Бухгалтер и прочие канцеляристы!

Как тут было Алиеву, опытному и уважаемому инспектору парткома, не заговорить о недомыслии, не дать отпор? И теперь он не может понять, чем недовольна Хуршудова, зачем она так подробно его расспрашивает, кто требовал снятия бухгалтера. Да рядовые колхозники. Ни одного разумного аргумента от них не слышал...

— Ночевали вы, Али-ака, конечно, у секретаря парторганизации?

Алиев повел плечом: мол, всегда так заведено...

Но Хуршудова не дала ему отмолчаться.

— А вы понимаете, Али-ака, — втолковывала она, — в какое противоречие с самим собой вступили? Ведь вы говорили, что простые колхозники выступать на собраниях непривычны. И тут же требуете от них продуманных, неострашимых аргументов! Да вдобавок хотите, чтобы они при всех открыли свою душу человеку, который перед этим ел за одним столом с родственником их обидчика. Я считаю, нужно вам еще побывать у ждановцев. И пожить там подольше. Может, недельку, может, две. Пока люди вам полного доверия не окажут.

По дороге домой Хуршудова вновь и вновь возвращалась мыслью к разговору с Алиевым. Так ли она поступила, направив Алиева к ждановцам во второй раз? Может, лучше было поехать самой?

Хуршудова вдруг увидела себя пробирающейся в одиночку горной тропкой. Эта тропка доходила до самых заброшенных деревушек, до самых дальних летовок. В райкомах ко дню приезда ответорганizational ЦК обычно уже были подготовлены исчерпывающие объяснения по всем интересующим ее жалобам и сигналам. Перепиши их, опроси любых свидетелей, которых тебе доста-

вят, — и возвращайся домой, в Баку. Еще поблагодарят за оперативность. Так нет же, тебе обязательно нужно поговорить с этими жалобщиками не в райкоме, а в привычной для них обстановке.

Тогда, работая в ЦК, большую часть года Хуршудова проводила в районах. И позже, став первым секретарем Ахсуинского райкома партии, не любила засиживаться в кабинете.

Дела в районе шли неплохо. Даже в засушливом 1962 году район перевыполнил план и по хлопку, и по мясу, и по молоку. Правда, теперь Ахсуинский район — это только треть Кюрдамирского производственного управления, где она возглавляет партком. Дел, конечно, прибавилось. Но ее выручает райкомовский опыт.

В Ахсу прошлым летом она произвела сенсацию, отменив приемные дни: если человеку нужно, пускай заходит в любое время. Она и в Кюрдамире не изменила этому правилу.

Кто же идет в твои открытые двери, Шаргия Хуршудова? Зашла как-то немолодая колхозница. Малограмотная, забитая, ничего толком рассказать не может. Плачет и твердит одно: «У нас восемь детей, а муж взял новую жену. Как теперь жить? Керосином себя облить и спичку зажечь?» Вызвала Хуршудова мужа, Алвана Миралева. Член партии. И в сельсовете когда-то председательствовал, и в колхозе, в бригаде и на ферме покомандовать успел. А теперь не у дел: должности с портфелем не дают, наравне же с другими работать не желает.

— Зря меня побеспокоили, Шаргияханум. Ни в загсе, ни в сельсовете я ни с кем не зарегистрирован. Значит, по закону никакие дети за мной не числятся. Копейки от меня эта шантажистка не получит...

Хуршудова не выдержала. Стукнула по столу кулаком.

— Восемь детей — вот твой загс! Пять дней даю для оформления брака. Или, видно, придется расстаться с партбилетом!

Не через пять, через два дня был зарегистрирован брак.

Но разве это все? Разве нет таких Миралевых в других селах? Многие по старинке считают, что главное при женитьбе — трехдневный свадебный той, а записи в толстой книге — дело десятое.

И Хуршудова поручает инспекторам парткома вместе с работниками райисполкома и местными общественницами проверить, повсюду ли зарегистрированы фактически существующие семьи. Потом этот вопрос обсуждается на райисполкоме. Хуршудова напоминает собравшимся, что проверка правильности оформления браков и рождений не кратковременная кампания, а важнейшая политическая задача. Партком и впредь будет строго контролировать это дело.

* * *

Алиев не высидел в колхозе недели. Уже на четвертый вечер он вновь появился в кабинете секретаря парткома.

— Да, вы справедливо меня поправили, Шаргияханум. Факты, о которых сообщили колхозники, подтвердились: вскрыты и воровство и растраты. Но теперь вопрос: кем заменить бухгалтера и кассира?

Хуршудова сняла трубку, позвонила начальнику производственного управления:

— У вас найдется время для разговора, Мамед-ака?

Мамедов, слушая Хуршудову, согласно кивал головой. Да, он тоже много думал об этом. Это сейчас самое главное — подобрать в колхозах и совхозах достойные кадры. Многих, видно, придется менять. Но беда в том, что и Хуршудова, и Мамедов, и их заместители — люди в Кюрдамире новые, им неизбежно придется основываться на чьем-то установившемся мнении, на чьих-то характеристиках. Не ошибиться бы...

— А что, если нам не в Кюрдамире бюро собирать, а в том селении, где с бедами хотим покончить? — предложила Хуршудова. — Соберем сельских коммунистов, бригадиров, механизаторов — словом, весь актив. А перед бюро пусть поживут в колхозе несколько работников парткома и управления — готовят свои предложения, кандидатуры.

Первое выездное бюро провели в колхозе имени Жданова. Бурным было оно. Долго прикидывали, каким образом можно сократить административный аппарат. В конце концов решили, что должности учетчиков в бригадах и кассира в столь небольшом хозяйстве, каким является этот колхоз, вообще не нужны, а с обязанностями кладовщика легко справиться по совместительству заместитель председателя колхоза.

Алиев, правда, доказывал, что тут надо заменить и большую часть бригадиров. Но Хуршудова, посоветовавшись с Мамедовым, решила пока не увлекаться. Нужно посмотреть, как будут работать люди при новом руководстве.

Но нет метода, который бы годился на все случаи жизни. Прошли три выездных бюро, четыре — и Хуршудова начала подмечать что-то неладное. Уж очень охочи стали до перемен колхозные руководители. Сказала как-то Шаргия, что на бригадирские должности, особенно в хлопководческих бригадах, следует в первую очередь назначить специалистов. И вот уже то в одном, то в другом колхозе председатели стали при малейшем случайном срыве снимать опытных практиков, выдвигать на их место безусых юнцов, только-только закончивших техникум.

Против таких перемещений Хуршудова решительно возражала. А председатели и секретарей колхозных парторганизаций стыдила при всех:

— Вы что надумали? Мы для чего к вам приезжаем? Чтоб свое эхо слушать? Для этого лучше в горы сходить! Нам мнение ваше важно, честное, прямое...

* * *

Еще в первые дни работы в Ахсу Хуршудова случайно подслушала разговор между двумя председателями колхозов. Один, улыбаясь, вспоминал:

— Не забыл наш старый обычай? Когда рождался мальчик, его пуповину или около конюшни закапывали, чтоб вырос джигитом, или на подворье мечети, чтоб стал святым и мудрым. А для девчонкиного пупка ямку у самой двери готовили. Чтоб, значит, далеко от дома не отходила. Вот в чем наши отцы видели добродетель женщины...

Второй пригладил пышные усы, ответил сокрушенно:



Шаргия Хуршудова
Фото Я. ХАЛИЛОВА (ТАСС).

— Потому на руководящем посту у нас женщине и легче, чем мужчине. От мужчины мне любую брань выслушать не зазорно, а когда тебя женщина при всех отчитывает, хоть живым в могилу ложись...

Хуршудова тогда же подумала об усадьбе: скоро у тебя будет побольше причин сокрушаться.

Сразу же по приезде в Ахсу она поинтересовалась: сколько женщин в районе занимают руководящие должности? Ей назвали одну — из райкома комсомола. И в Кюрдамирском управлении положение не лучше. А между тем десятки специалистов с высшим образованием остаются не у дел.

Понятно, начинала Хуршудова с них: устраивала их на работу в школы, больницы, магазины. Появились первые женщины на руководящих должностях в колхозах. Одна — председатель, семь — бригадиры.

Из бригадиров Хуршудовой казалась наиболее примечательной Айна Гейдарова из колхоза имени Ахундова. Бывший библиотекарь. В самую отсталую бригаду попросилась, где три года подряд заготовки хлопка срывались. И сразу выяснила, в чем беда — в неправильной оплате. Прежнему бригадиру лень было на поле улететь вести, он дома, порой через месяц, наряды заполнял и выписывал столько трудодней, сколько ему в голову взбредет. А когда Айна его ме-

сто заняла, дело по-другому пошло. И работает она вместе со всеми, и старательного на поле приметит, похвалит, и разгильдяя отчитает. Не удивительно, что с поливом они лучше других колхозных бригад справились и удобрения перед севом полностью внесли.

А перед тем, как порекомендовать Сураю Тагиеву в председатели колхоза имени Сабира, Хуршудова долго колебалась. Справится ли там эта молодая, немногословная, с виду застенчивая женщина? Колхоз хуже ждановского, урожайности ниже во всем управлении нет.

Сладила. Хорошо идут дела у Тагиевой.

* * *

Поездки в Биджо, в расположенный на самом севере управления богатый колхоз имени Азизбекова, всегда радовали Хуршудову. Но в тот день поездки принесла лишь огорчения. Конечно, ей приятно было пройтись по зеленым улицам Биджо, полным детворы и бодрых, почти столетних старцев. Посмотреть на новенькие двухэтажные дома. Зайди туда — в каждом и газ, и телевизоры, и современная мебель. Приятно было послушать и разговоры председателя колхоза Гасанова о виноградниках, площадь под которыми азизбековцы доводят до полутысячи гектаров, о северокавказских меринусах, которые вот-вот вытеснят из колхозного стада всех грубошерстных овец.

Но разве помогут азизбековцы другим хозяйствам района? Научат чему-нибудь их председателей? Пожалуй, нет. Хлопка азизбековцы почти не сеют, от засухи не страдают, засоленных почв у них в помине нет. Повезешь сюда для учебки тех же ждановцев — посмеются. Скажут: перенеси нас, Шаргия-ханум, из степи на Шемахинское нагорье, и мы не хуже жить и работать будем. Нет, не сделаешь из Биджо маяк, который бы всему управлению осветил путь к успеху! Не найдешь в Кюрдамире готовенького хозяйства-эталона. По крупицам лучшее надо всюду брать и распространять. Как делают это соседи-сабирабадцы.

О сабирабадцах Хуршудова и прежде не раз говорила с Мамедовым. Она читала в газетах об их новшествах, слышала о них на совещании в ЦК. И самое главное, хорошо знала нынешнего секретаря парткома Азизова, при всяком удобном случае ездила туда поучиться.

А теперь пусть Мамедов в Сабирабад съездит.

И вот она опять сидит в кабинете у Мамедова. Смотрит на начальника управления, тщательно подбирая слова, начинает:

— Вы же сами, Мамед-ака, любите подчеркнуть, что руководство в Кюрдамире молодое, что нам четверем: вам, мне, двум моим заместителям, — всем вместе лишь чуть побольше ста лет. Так разве столетним зазорно у двухсотлетних мудрости поискать?

Мамедов возвращается из Сабирабада не один. Не заезжая к себе, вбегает в кабинет к Хуршудовой, представляет ей незнакомого, городского облика молодого человека:

— Рекомендую нового кукурузоводческого бригадира. Гасан Кулиев, ученый кормовод, сотрудник Азербайджанского научно-исследовательского института

сельского хозяйства. Обещает все лето у нас поработать, взять бригаду в одном из совхозов и на двухстах гектарах с теми же людьми, с той же техникой, что есть, вдвое поднять урожайность кукурузы. И параллельно на том же поле школу создать, наших кукурузоводов передовым приемам обучить. Благословим, Шаргия-ханум?

Хуршудова кивает, горячо жмет руку молодому ученому. И тут же мысленно ругает себя за жадность. Конечно, кукурузовод им нужен. Но хлопковод еще бы лучше! Вот если бы однофамилец Гасана — Муса Кулиев сюда приехал! Тот, чей почин недавно обсуждало Бюро ЦК, что две хлопководческие бригады в одном из сабирабадских совхозов взял и пообещал добиться урожая в двадцать пять центнеров там, где было десять. Поинтересовался ли Мамедов, что успел сделать Муса? Побывал ли у него на поле?

Мамедов извлекает из кармана блокнот. Да, многие начинания Кулиева нужно немедленно применить! Глубокое рыхление на засоленных почвах. Посев ячменя, суданки, сорго. Заравнивание старых оросителей, которое не только земельную площадь увеличивает, но и повышает урожайность: ведь на месте оросителей почвы промывает, располонены. Всего сразу не перескажешь. Но пусть Шаргия-ханум не беспокоится: Муса обещал одного своего единомышленника-хлопководца на летнее жительство в Кюрдамир подослать.

— Вот это замечательно!

А Мамедов, поглядывая в блокнот, продолжает рассказывать обо всем увиденном в Сабирабаде. О специализированных межколхозных фермах — овощеводческих, свиноводческих, молочно-товарных. О межколхозных механизированных отрядах, с помощью которых, собрав в кулак всю технику, сабирабадцы с зимы вывезли на поля невиданное прежде количество удобрений, а летом намереваются тем же способом закладывать силос. О комплексных животноводческо-кормопроизводящих бригадах. Но больше всего о балансовых комиссиях. В их работе участвуют все специалисты производственного управления. Эти комиссии работают во время отчетно-выборных кампаний в колхозах и позволяют сабирабадским руководителям судить о каждой отрасли колхозного производства на основе точного экономического анализа. А не так, как до сих пор, по случайным взлетам и срывам.

Хуршудова больше не спрашивает, интересной ли оказалась поездка в Сабирабад. Она спрашивает о другом:

— И вы во всем этом, Мамед-ака, за такой короткий срок успели разобрататься?

Мамедов понимает, к чему она клонит.

— Куда там! Людей туда наших посылать надо — специалистов и колхозников: животноводов, хлопкоробов, механизаторов. Для длительного, конкретного обучения...

— Давайте набросаем предварительный план, — предлагает Хуршудова. — И вы, дорогой товарищ ученый, к нам поближе присаживайтесь. Помогать так уж помогать!

Владимир КРИВЕНЧЕНКО

Кюрдамирское производственное управление, Азербайджанская ССР.

ЯРОСЛАВСКАЯ НОВЬ

— Взгляните на любопытный документ, — сказал Владимир Петрович Чесноков, протягивая мне основательно потрепанный номер газеты.

По тому, как бережно он доставал газету из папки, как любовно разворачивал, нетрудно было догадаться, что для директора Ярославского шинного завода она очень дорога.

В газете синим карандашом была обведена небольшая заметка, озаглавленная «Новые шины». В ней говорилось, что группа заводских конструкторов отметила Первой 1960 года отличным подарком, собрав комплект шин принципиально новой конструкции для грузовых автомобилей.

— Скромно, не правда ли? А ведь это — первое сообщение о революции в советской шинной промышленности, — заметил Владимир Петрович. — Взгляните в лицо фактам и убедитесь, что я не преувеличиваю.

Идею создать новую шину для тяжелых машин вынашивали давно, в разных странах. США, Германия, Италия выдавали патенты на новые шины, но какой толк?! Патенты пылятся на полках, а шин, успешно выдержавших испытания, нет. Закономерно, что и по отношению к ярославцам была проявлена осторожность. Как бы и они...

Дело в том, что лучшие шины пробегают, как правило, 45—50 тысяч километров. И выходят они из строя по вине так называемого протектора — верхней части покрышки с выпуклым рисунком. При движении автомобиля основная нагрузка приходится именно на протектор, и он стирается. Шина, как говорят шоферы, «лысеет», начинает скользить. Поэтому и идет на свалку вместе с еще вполне доброкачественным корпусом. А корпус — три четверти стоимости всей шины.

Уже давно напрашивалась идея: создать съемный протектор. Сотрется он — заменят другим. Иностранцы инженеры предложили несколько вариантов съемного протектора, но он на ходу автомашины слетал с покрышек. Никто не мог устойчиво закрепить его на каркасе. Только недавно итальянская фирма «Пирелли» создала шины со сменным протектором для небольших легковых автомобилей, признав невозможным решить эту проблему для тяжелых грузовиков.

А ярославцы решили. И когда они об этом заявили, то к их сообщению не только за рубежом, но даже и у нас отнеслись с недоверием.

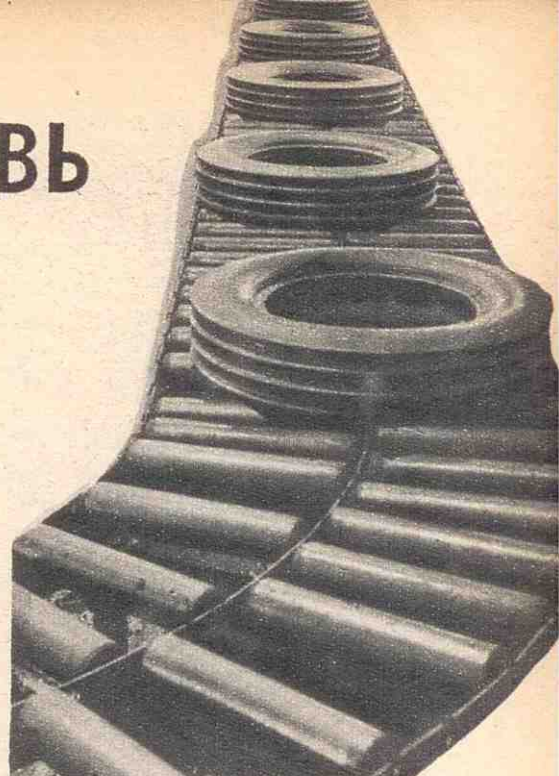
А в это самое время между Ярославлем и Костромой вперед и назад курсировали странные автоколонны: в кузовах грузовиков лежали чугунные плиты по две с половиной — три тонны.

Такие же машины отправлялись в Заполярье и Среднюю Азию, в Крым и Казахстан. В грузовиках рядом с балластом лежали коробки со сменными протекторами.

В испытательную группу поступали скудные рапорты шоферов. На трассе Ярославль — Кострома — Ярославль первыми завершили свой «рейс» комсомоль-

цы Дмитрий Ромашкин и Андрей Земнухов. Новые шины, в которые «обули» их машину, прошли 143 тысячи километров. 112 тысяч — рапортовал Илья Соков. 137 тысяч — докладывал Владимир Гаранин. 159 тысяч — возбужденно сообщил старый водитель Иван Семенович Лабутько. 176 тысяч — восторгался Георгий Гвахария. Преодолевая пески, морозы, палящее солнце, глинистую грязь «по самый задний мост», бездорожье, горные перевалы, возвращались десятки машин с гордым ответом пессимистам: есть новая шина!

И тогда начались «охи» и «ахи», как, мол, это здорово, блестяще, гениально! Но эти неумные восторги не успокоили сердца волжан. Они продолжали повышать качество шин. И добились своего. Если новая шина проходит только 150 тысяч километров, то это неудача.



Вот они, творцы новых автопокрышек «РС» — конструкторы Ярославского шинного завода.

200—250 тысяч километров — вот норма. Иначе говоря, новая шина служит в семь-восемь раз дольше, чем обычная.

Что же это за новая шина? Мудрость всегда проста. И шины марки «РС», как ее теперь именуют, также просты. «РС» — это значит шина с радиальным расположением кордных нитей и съемным протектором. Этим все сказано. Стерся в пути «рисунок», за десять — двенадцать минут, даже не снимая шины с колеса, можно заменить протектор и продолжать путешествие...

Эта мудрая простота — плод большой и сложной работы. Ведь над экспериментальными шинами трудился большой коллектив. В них — научное предвидение ученых и мастерство резиносмесителей, инженерные знания и опыт шоферов, находки лаборантов и мечты конструкторов. В них — бессонные ночи и сверхурочные часы, поражения и победы, выдержка, упорство, вера.

Идея их возникла, овладела людьми

после майского Пленума Центрального Комитета КПСС в 1958 году. Призыв партии о становлении Большой химии встретили добрыми делами в Ярославле. Именно тогда начал особенно явственно ощущаться могучий рост творческой энергии людей, создающих материальные ценности.

Я приехал на завод с тем, чтобы рассказать о его великопечном почине. Но тема, казавшаяся такой ясной в Москве, в Ярославле приобрела иное звучание. Вернее, она рассеялась. Не потому, что представления о заводских успехах оказались преувеличенными. О нет! Они ощутимы на дорогах, наглядны на испытательных стендах, сказываются в повседневных делах. Но сегодня все эти успехи — уже вчерашний день для ярославцев. О них и говорить-то неловко в напряженной атмосфере будней завода. Здесь гордятся прошлым, но предпочитают говорить о делах завтрашних.

Создать принципиально новую шину —



Здесь монтируются протекторные съемные кольца на каркас покрышек.

дело опромное. Но еще сложнее ее освоить, и не на маленьком участке, а в гигантских цехах. Да еще без существенного ущерба текущему производству. Для этого надо перестроить работу всех служб, реконструировать парк станков, создать новую технологию.

К тому же не одни ярославцы решают весь этот гигантский комплекс проблем. Шестьдесят семь предприятий, институтов, организаций участвуют в создании новых покрышек.

Ведь, как говорится, «овчинка стоит выделки». За семилетие производство шин в СССР удваивается. План предусматривает также увеличить их средний пробег на 45—50 процентов, что дает народному хозяйству полумиллиардную экономию. А при применении шин «РС» пробег можно увеличить втрое. Подсчитано, что широкое внедрение в производство этих шин даст дополнительную экономию, равную примерно строительству и вводу в действие четырех шинных заводов-гигантов, оборудованных новейшей техникой.

Кроме того, испытания показали, что новые шины на каждую тысячу километров экономят около 800 граммов каучука и более половины квадратного метра текстильного корда.

И еще одно немаловажное преимущество: для езды в непогоду по трудным дорогам можно использовать кольца повышенной проходимости. Они делают ненужными применяемые в таких случаях цепи.

На ноябрьском Пленуме ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев с горечью

говорил: «...Очень много автомашин в хозяйствах стоит на колодках, без шин. Создавалось немало комиссий, которым поручалось решить так называемую «шинную проблему». А воз и ныне там...»

Могли ли ярославские шинники не воспринять эти слова как прямое обращение к ним партии?!

После Пленума завод резко увеличил выпуск шин новых конструкций, запланировал их поточное производство уже в нынешнем году.

Достаточно даже немного окунуться в заводские будни, чтобы ощутить бурную

волну творческого вдохновения, видеть, какие широкие, смелые технические эксперименты вызвали к жизни призывы партии.

— Трудно? Да, конечно, нелегко, но мы ни на шаг не отступим от взятых обязательств,— заявил прославленный мастер сборки шин «РС» Павел Гунин.— Дело сложное, требующее не только мастерства, но и ума. Теперь каждый из нас, стоя у станка, «шевелит мозгами».

И это «шевелит мозгами» на заводе пронизывает буквально все. Оно и в высоких показателях производства, и в густом приборе рационализаторских предложений, и в смекалке рядовых людей.

А какой отзвук получили новые обязательства за пределами Ярославля! Их не просто обсуждали в Москве и Ленинграде, Свердловске и Уфе, Новосибирске и Омске, Баку и Караганде, Иваново и Калинин, Ереване и Ставрополе — всюду, где советские люди производят синтетический каучук, корд, сажу, химикаты, необходимые для новой «кобузи» автомобилей и сельхозмашин. Тысячи инженеров, рабочих, лаборантов, технологов, контролеров следят, чтобы их предприятия дали шинникам все, что необходимо.

— Велика сила дружеской взаимопомощи,— замечает заместитель главного инженера завода В. П. Арефьев.— Теперь стало гораздо легче работать.

Недавно на заводе побывал Никита Сергеевич Хрущев. Через курчавый заводской парк, мимо цветущих клумб шел он к цехам, где счет новым покрышкам перешагнул за десяток тысяч. Глава Советского правительства, познакомившись с ярославской новью, высоко оценил мастерство и инициативу создателей новых шин, качество их продукции. Он вочию увидел в строю покрышки, уже прошедшие по 200 и более тысяч километров...

— Каждый из нас чувствует удовлетворение оттого, что его плечо движет вперед застоявшийся воз, о котором Вы говорили на Пленуме,— сказал Никите Сергеевичу мастер сборки Константин Козлов... Сказал с полным правом. Воз сдвинулся с места! И скоро его заменит быстходный автомобиль, «обутый» в новые шины дальних дорог.

Л. ЛУБАН

Фото В. ЯКОВЛЕВА.

г. Ярославль.



Шофер А. П. Манаренко доволен: автопокрышки «РС» хорошо выдержали пробег в 247 тысяч километров.

Женщина в космосе

Еще недавно мечта о космическом плавании была преимущественно мужской. Теперь, когда и на космическом поприще установлено полное равноправие, тем, кто встал в очередь на звездные рейсы, приходится потесниться перед «слабым полом».

Но чем доступнее становятся космические дали, тем острее волнует вопрос: какими качествами должен обладать космонавт? Может быть, ими могут стать только исключительные люди? Это неверно. Космонавтом может стать обычный человек. Само собой разумеется, он должен быть физически крепким, здоровым, с устойчивой нервной системой, с огромной силой воли, жизнерадостным и собранным. Очень важно, чтобы он быстро и правильно оценивал сложившуюся обстановку и при всех условиях выполнял работы спокойно и точно.

Бесценный дар космонавта — трудолюбие. Подготовка к полету — это прежде всего труд. И вот почему.

В космосе человек сталкивается с условиями, совершенно незнакомыми на Земле. Ему предстоит перенести тяжелые физические и нервные нагрузки и при этом сохранить полную ясность сознания, правильно ориентироваться и действовать в полном соответствии с поставленными задачами. Выдержать это испытание может только крепкий, тренированный и мужественный человек.

Глядя на тоненькую, казалось бы, хрупкую фигуру Вали Терешковой, многие, наверное, задумывались, как смогла она выполнить такую трудную задачу? Конечно, прежде всего потому, что она смелая, волевая, сильная и здоровая. Но дело не только в этом. С той минуты, как девушка вступила на «космический путь», ее неотступно опекали врачи. Как и все ее предшественники, Валя прошла специальную физическую подготовку, в программе которой были учтены все условия, с которыми она столкнется при выходе на орбиту и во время путешествия вокруг Земли. Для этого оборудованы специальные изолированные помещения (каждое особого назначения), в которых искусственно создаются те условия, с которыми столкнется человек в космическом путешествии: шум, вибрация, ускорения и т. д. Так космонавт привыкает к жизни в космосе, учится преодолевать трудности полета. Врачи с помощью сложных приборов подмечают все изменения в организме, какие происходят во время тренировок. Ведут наблюдения и в часы отдыха.

Но прежде чем допустить к тренировкам представительницу «слабого пола», ученым-медикам предстояло решить немало важных вопросов: установить дозы нагрузок, особый режим. Женский организм, как нам известно, имеет свои особенности. От природы женщина наделена силой меньшей, чем мужчина. Но главное отличие в том, что она призвана быть матерью. Каждый месяц в ее организме происходит сложная перестройка. И в разные периоды одни и те же физические и нервные нагрузки по-разному отражаются на здоровье женщины. Ученым надо было точно определить, какой из этих периодов является наиболее благоприятным для космического старта, потому что наиболее тяжелые физические и психические перегрузки возникают под влиянием ускорения. В это время вес тела космонавта возрастает в несколько раз.

Разрешить этот вопрос могли только опыты на животных. Но на каких? Из всех животных, населяющих нашу планету, обезьянам больше других свойственны физиологические особенности женского организма. И вот в Академию медицинских наук из Сухумского питомника была доставлена партия обезьянок породы макаки-резус и павианов. Немало было с ними хлопот. Для маленьких непоседливых «космонавтов» пришлось по росту konstruировать кресло в кабине центрифуги. Это специальный механизм, на котором космонавты учатся преодолевать перегрузки при ускорениях. Сооружение имеет два многометровых плеча, похожих на развернутые крылья гигантской стрекозы. На конце каждого крыла — кабина, куда садится космонавт. Набирая скорость, центрифуга начинает вращаться. Развивается центробежная сила. Тело человека, сидящего в кабине, как бы стремится выскочить из этого круга, его придавливает к креслу. Так создается состояние, близкое к тому, которое испытывает человек в кабине космического корабля при выходе на орбиту.





Что происходит в организме зверьков во время опытов, сообщали специальные устройства — датчики, информирующие врачей во время вращения центрифуги о частоте пульса, дыхания, артериальном давлении, деятельности мозга, о состоянии жизненно важных функций. Кинокамера, телевизионный экран также фиксировали поведение зверьков во время опытов.

Неугомонные и любопытные, они могли сорвать датчики и испортить все дело. Тогда для каждой обезьянки шили фланелевый комбинезон с глухими рукавами. Опыты не начинались, пока встревоженные приготовлениями зверьки не успокаивались. Узнавать об этом помогало одно простое средство: обезьяны — известные лакомки. Если зверек съест конфету — значит, все в порядке.

Опыты, проводимые в самые различные периоды физиологического цикла, показали, что общая реакция на перегрузку почти во всех случаях одинакова. И лишь более тонкие специальные медицинские исследования помогли установить периоды, неблагоприятные для перегрузок, а также те, когда перегрузки не причиняют вреда женскому организму. Так обезьянки оказали еще одну услугу человеку.

Но на этом проблема полета женщины в космос еще не решалась. Есть один фактор, который заставлял с особой осторожностью подходить к космическому полету женщины. Это космическая радиация. Организм женщины, на который возложены функции материнства, особенно чувствителен к космической радиации.

Валя Терешкова прошла всю сложную школу подготовки. Многие условия космического полета можно воспроизвести на Земле. Но есть одна особенность его, которую невозможно испытать только в самом полете. Это невесомость. Тело повисает в воздухе. Работа мышц снижается. Лишаются привычной нагрузки и внутренние органы и нервная система. Если человек длительное время находится в состоянии невесомости, у него может появиться вялость, расслабленность и даже головокружение — явления, какие бывают после долгого постельного режима даже у здорового человека.

Ученые нашли средство борьбы и с этими явлениями. Большую роль здесь сыграла тщательно продуманная система физических упражнений как до полета, так и во время космического путешествия. От состояния мышц зависит деятельность наших внутренних органов. Например, работа мышц живота влияет на пищеварение и сердечную деятельность. От сокращения мышц рук и ног зависит кровообращение. Для Вали Терешковой была разработана особая система тренировок. Готовясь к полету, она тщательно выполняла весь предписанный ей режим.

Как и ее небесные братья, еще задолго до старта Валя «обживала» свою будущую звездную «квартиру» — кабину космического корабля. Осваивала, изучала сложные автоматические приборы, убеждалась в их исключительной надежности. На обязанности автоматов лежало вывести ее на орбиту, помочь ей перенести перегрузки, бережно пронести в космическом пространстве и приземлить в заданном районе. И Валя стала чувствовать себя в кабине корабля, как дома. В ней она по своему желанию могла установить любую температуру и влажность.

Подвиг Вали Терешковой развеял все сомнения о возможности участия в космических путешествиях женщин. Ведь многие думали, что в связи с особенностями их организма космос для них недоступен. Советские физиологи успешно решили проблему влияния космических условий на женский организм. Мало того, ученые пришли к выводу, что в космических полетах у женщины имеются некоторые преимущества перед мужчинами-космонавтами. Для поддержания жизнеспособности женского организма требуется меньше пищи, воды, кислорода. А при снаряжении космического корабля каждый килограмм груза имеет огромное значение. С другой стороны, в приспособленном к материнству женском организме заложены защитные силы, которые помогают ей вынести нагрузки, большие по сравнению с мужчиной.

Полет женщины в космос — это новый этап в освоении космического пространства. Говорят: без женщины дом — сирота. Теперь в необозримый таинственный космос она внесла теплоту своего щедрого и мужественного сердца.

В. ЧЕРНОСВИТОВА
Фото С. БАРАНОВА.

Валентина Терешкова, первая женщина, поднявшаяся в космос, — прямая наследница героинь-летчиц нашей Родины. От них, проторивших пути в небо, приняла она замечательную эстафету и гордо понесла ее в просторы Вселенной.

Листая страницы истории отечественной авиации, мы встречаем множество имен летчиц. Эта мужественная профессия всегда привлекала смелых, выносливых, упорных. И эти качества помогали женщинам первенить не только трудности и опасности их нелегкой воздушной жизни и ставить рекорды, но и в трудные годы Отечественной войны воевать наравне с мужчинами.

Летчицы — испытатели новых машин, летчицы, бороздящие наши просторы на реактивных самолетах, и, наконец, первая женщина-космонавт — это явления одного порядка. В них, как в зеркале, отражены характер народа, духовная мощь и величие социалистического общества. Вот почему весь мир с восхищением, восторгом и уважением смотрит сейчас на русских женщин.



Пятьдесят два года назад, на заре авиации, когда полет на аэроплане был еще опаснейшим экспериментом, в Гатчинской авиационной школе впервые диплом пилота получила женщина. Это была Лидия Виссароновна Зверева, дочь русского офицера. Благодаря своему упорству она сумела переступить официальный запрет, и перед ней открылись двери авиационной школы.

Но когда летчица Зверева захотела принять участие в первом перелете из Петербурга в Москву, ей было отказано на том основании, что она женщина.

Эстафета

Добившись после многочисленных полетов признания, Лидия Зверева открыла в Риге авиационную школу — единственную, куда принимали женщин.

Октябрьская революция широко распахнула перед русскими женщинами двери аэроклубов и авиационных школ. Наряду с летчицами-спортсменками появились военные летчицы. Первой из них стала крестьянская дочь, коммунистка Зинаида Петровна Кокорина. После окончания Ленин-



градского университета Зинаида Петровна вела культурно-просветительскую работу. Трагическая смерть мужа-летчика, разбившегося во время тренировочного полета, заставила ее порвать со спокойной «земной» жизнью. Молодая женщина заменила погибшего в его нелегком и опасном труде. Она окончила летную школу, а затем высшую школу стрельбы и бомбометания и стала командиром Советской Армии.

Вслед за Зинаидой Кокориной в авиацию пришли Полина Осипенко, Вера Ломако, Тамара Казарнинова и многие другие советские девушки. Они учились у лучших пилотов страны, им доверяли новейшие скоростные самолеты.

25 лет тому назад Полина Осипенко, Мария Раскова, Вера Ломако задумали совершить перелет на гидросамолете от Черного моря к Белому. Трудность перелета заключалась в том, что надо было пролететь большое расстояние над территорией, где не было ни одного водного бассейна. К этому прибавилось и еще одно препятствие — неблагоприятные метеорологические условия.

На заре 2 июля 1938 года гидросамолет поднялся в небо над Севастопольской бухтой и через десять часов опустился на воды Холмского озера, вблизи Архангельска.

Смелому экипажу удалось в несколько раз превысить международ-

ный рекорд скорости по классу гидросамолетов.

А через два месяца, в сентябре 1938 года, мир узнал о новом подвиге советских летчиц: Полина Осипенко, Мария Раскова и Валентина Гризодубова смогли осуществить свою заветную мечту о беспосадочном перелете по маршруту Москва — Владивосток.

Пролетев за 26 часов 29 минут 5 908 километров, экипаж самолета «Родина» установил новый международный женский рекорд по перелетам на дальнее расстояние.

Так еще в тридцатые годы советские летчицы научились летать лучше, выше и дальше всех летчиц в мире.

В годы Отечественной войны героически сражались за Родину и женщины-летчицы.

Они летали по ночам в тыл врага, сбрасывая партизанам оружие, боеприпасы и горючее, вывозили на «Большую землю» раненых, больных и детей.

Это был массовый подвиг, равно которому не знала история. В нем до конца раскрылся самоотверженный характер русской женщины.

В самом начале войны правительство поручило Марине Михайловне Расковой сформировать из женщин-добровольцев три авиационных полка.

Летчицы совершали чудеса храбрости. Во время массированного вражеского налета на Лиски Тамара Памятных и Рая Сурначевская вдвоем отразили налет сорока двух бомбардировщиков и четырех из них сбили. Рая Беляева, Катя Буданова и семнадцатилетняя Ляля Литвяк, недавние инструкторы аэроклубов, побеждали в



единоборстве опытейших фашистских асов.

Среди тех, кто сражался в воздухе, была Женя Руднева, штурман полка ночных бомбардировщиков. Она пришла в женский авиационный полк с третьего курса Московского университета. Ее мирной специальностью была астрономия. После полетов над вражеской территорией Женя рассказывала подругам о звездах. У нее была мечта, казавшаяся в те дни фантастической, — мечта о звездном полете.

Если бы Женя дожила до сегодняшнего дня, может быть, и она стала бы одной из тех, кто штурмует космос.

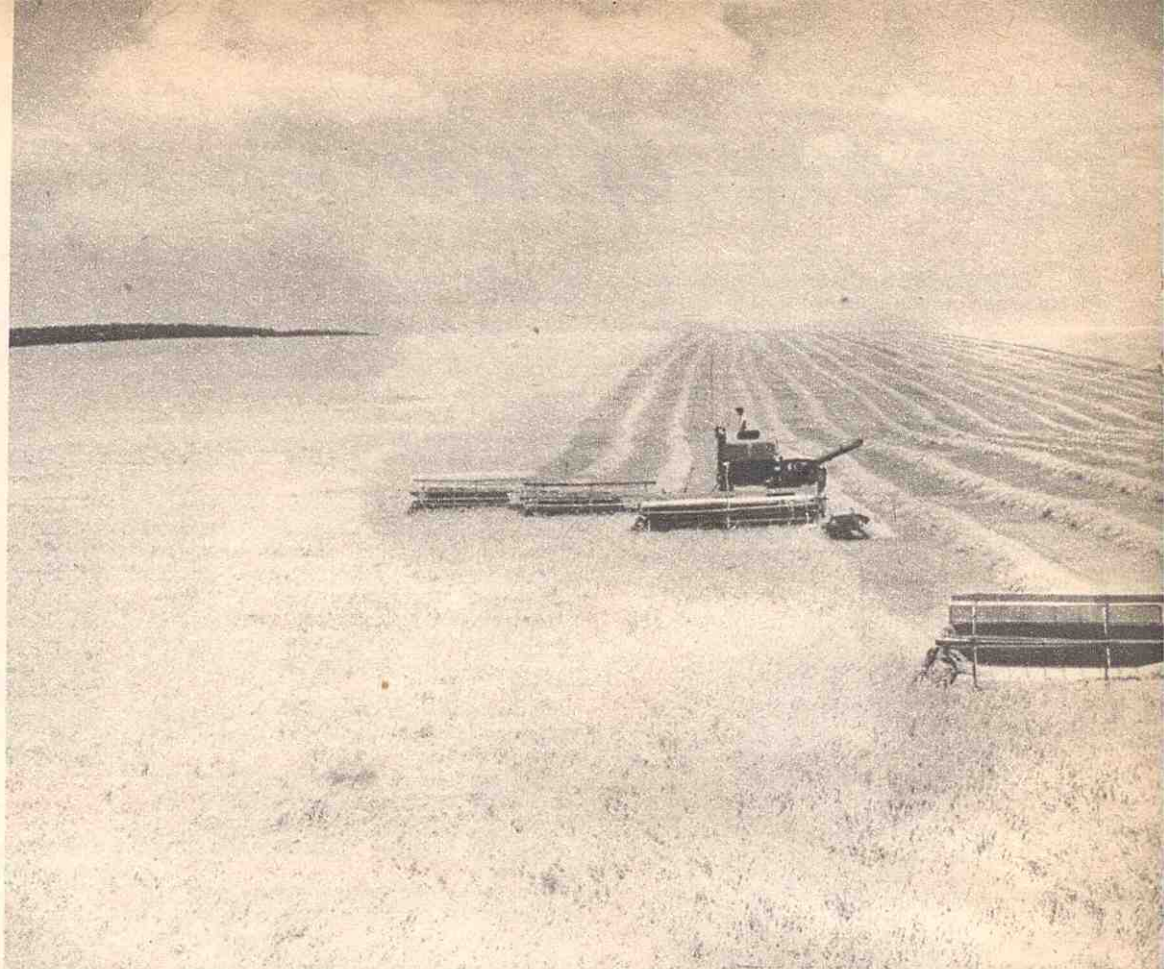
Н. МУРАВИНА



Этот снимок сделан в августе 1943 года перед штурмом Новороссиисна. Гвардии капитан Серафима Тарасовна Амосова знакомит с боевым заданием экипажисамолетов 46-го женского гвардейского авиаполка.

Фото Е. ХАЛДЕЯ.

В совхозе «Газырский» Тихорецкого производственного управления собрали по 40 центнеров пшеницы с гектара. Хлеба здесь скашивали агрегатами из сдвоенных и строенных жаток. Сколько сил и времени экономится при этом прогрессивном способе уборки!



— Есть еще три тонны! — записывает весовщица совхоза «Тимашевский» Тимашевского производственного управления Вера Петровна Лось. — План наверняка перекроем. Примерно миллион 300 тысяч пудов сдадим государству.



Еще недавно здесь было тихо. Под благодатным кубанским солнцем зрела, волновалась на ветру пшеница, тяжелели тугие колосья. Много труда и сердца своего отдали кубанцы земле, чтобы вырастить для народа это хлебное богатство.

И вот настали решающие дни битвы за урожай. Зарокотали на полях моторы, двинулась в наступление могучая техника. На уборке повсеместно применялись новые широкозахватные жатки, а также агрегаты из сдвоенных и строенных жаток. Это дало возможность скосить хлеба в рекордно короткие сроки.

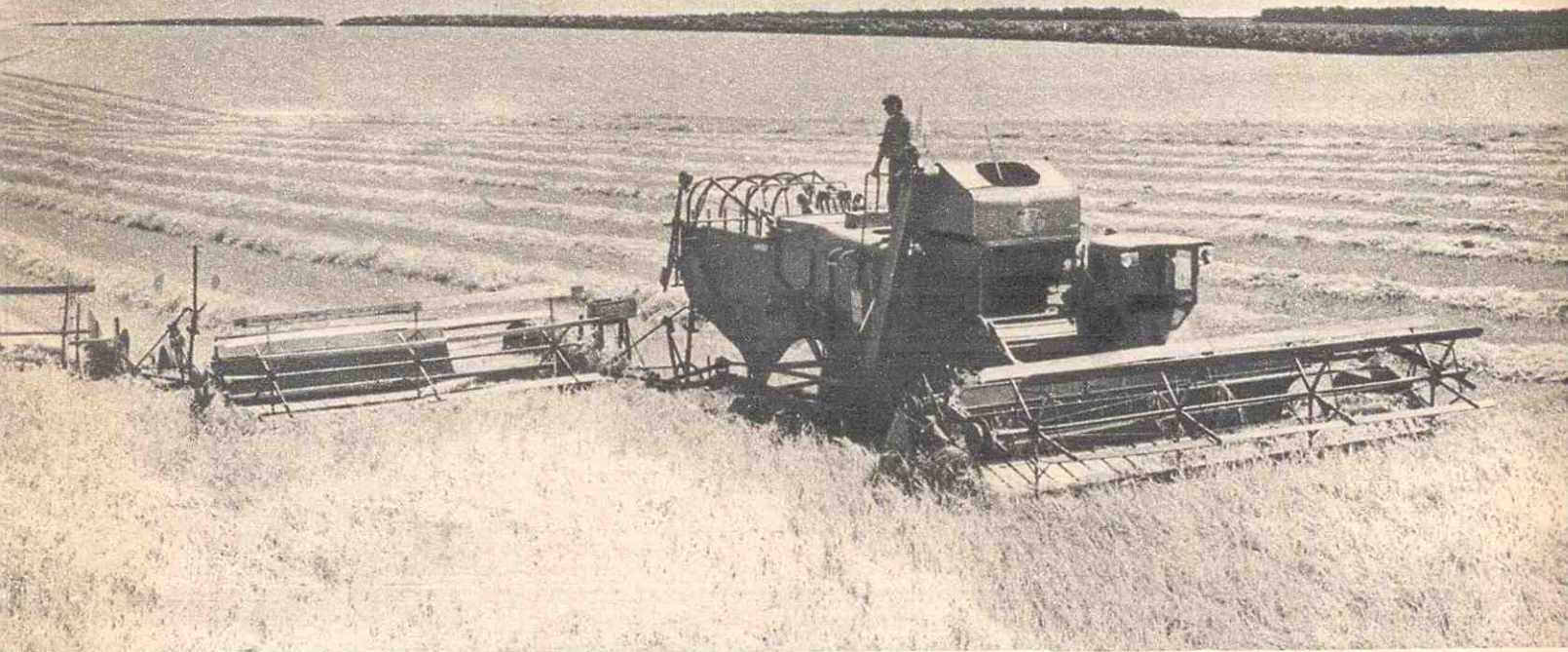
И вот уже комбайны, развернувшись боевым строем, вбирают в себя длинные ряды валков. Взвился флажок на одной машине, на второй, третьей. Это значит: бункера до отказа полны зерном. Где там замешкались грузовики?

Дорога каждая минута. Ни один вызревший колосок, ни одно зернышко не должны остаться в поле! Поэтому и днем и ночью шел подбор валков.

Подобно рекам, впадающим в море, тянутся к элеваторам по всем дорогам Краснодарского края автоколонны. Семафоры весело подмигивают им зелеными глазками, люди приветствуют их улыбками. Идет большой хлеб Кубани!

Фото А. ГЕРИНАСА
и ТАСС.

БОЛЬШОЙ ХЛЕБ



Каждый знает, как важно в страду вовремя и хорошо поесть. В совхозе «Березанское» Усть-Лабинского производственного управления повар Е. Кибалко доставляет горячие обеды в термосах прямо к комбайнам.



Днем и ночью поступает на Величковский элеватор прославленная кубанская пшеница. Более полутора тысяч машин в сутки оставляют здесь свой драгоценный груз.

КУБАНИ





ТАТЬЯНКА

Анатолий ФЕРЕНЧУК

Рассказ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Кладбище заросло бузиной и колючим терном, небо над ним наглухо закрыли старые могучие вербы с грациными гнездами на макушках. Даже в жаркий полдень среди затравенных могил было сумеречно и прохладно, как в сыром овраге дремучего леса. Сюда не доносились ни гул уборочных машин, ни людские голоса, ни сверлящий перелив неумолчной песни степного жаворонка. Тишина. Над головой лишь скрипел ворчливо и глухо расщепленный молнией ствол обгоревшего дерева.

Я долго бродил в одиночестве из конца в конец кладбища, петляя меж могильных оград, пока не набрел на обелиск. Он был побелен известкой, и на нем аела крошечная пятиконечная звезда из листовой жести.

Таня, Танюша, Татьянка, молодая коммунистка с хутора Прикубань, разве забыть мне когда-нибудь, как мы хоронили тебя у подножия древнего кургана в ненастный весенний день! Мы ушли на хутор в печали, а ты осталась лежать под такими же, как и ты, молодыми на ту пору вербами, одна на всю неоглядную степь... И вот я снова около твоей могилы, скромной и такой маленькой, будто покоится в ней вечным сном не успевший еще познать жизнь младенец.

У тебя, помню, были большие, с рыжеватыми ресницами серые глаза, широко открытые, восторженные и удивленные. У тебя было смуглое,

обветренное и обожженное солнцем лицо с чуть вздернутым носиком и яркими, по-детски припухлыми губами. Светлые, в тон зрелой пшенице волосы ты стригла под мальчишку, и они торчали на твоей макушке непокорным хохолком. У тебя были сильные плечи и жилистые руки, но уродилась ты на редкость маленькой и от худобы казалась всем хрупкой и слабой.

Ее привел к нам в хату зимней вьюжной ночью мой отец. Мы все уже спали: мать — на деревянной кровати в горнице, а ребяташки — вповалку на исколодавшей за день печи в передней.

Я проснулся от скрипа двери и метнувшегося по моим ногам холода. С улицы в хату ворвался свист расходящегося ветра, хрупкий треск ломких тополевых веток. На пороге раздался простуженный голос отца:

— Пойдите тут... Я сейчас огонь заведу...

Затаив дыхание, я весь обратился в слух. Отец, натякаясь в темноте на домашний скарб, прошаркал сапогами по земляному полу к столу, стал шарить смастеренный мною каганец — глиняную плошку с конопляной паклей в натопленном суслицьем жиру. Коптящее пламя осветило угол с иконой, украшенной матерью расшитым рушником, ничем не покрытый дощатый стол, полку с посудой и широкую скамейку под стеной, сплошь изъеденную дровоточем.

— У нас не город, скла на лампу — и того в кооперации не достанешь, да и керосину все одно нету, — словно оправдываясь за свою бедность, проговорил отец.

Сдвинув в сторону рваную ситцевую занавеску, я осторожно высунул голову. При тусклом свете копилки мне с трудом удалось разглядеть стоявшую на пороге девушку. На ней был старый шерстяной платок, короткое — выше колен — пальтишко и стоптанные мужские башмаки. С ног до головы она была осыпана сверкающими капельками талого снега.

Отец ушел в горницу, о чем-то долго шептался там с матерью, а девушка все стояла робко у порога и, переминаясь с ноги на ногу, дула на озлявшие, красные руки. Мать постелила ей на лавке, разостлав отцовский зипун, принесла из горницы свою подушку.

Утром мы все вместе ели из одной миски жидкую кукурузную затируху и пили чай с морковной заваркой без сахара. Девушка рассказала отцу с матерью, что она круглая сирота, воспитывалась в детской колонии, а последнее время работала на заводе токарем. Недавно по своему желанию она окончила краткосрочные курсы трактористов и райком партии направил ее в наш колхоз.

Колхоз у нас на хуторе был создан всего-навсего осенью, и о том, что существует на свете такая машина, как трактор, мы знали лишь понаслышке.

— Поторопились вы до нас приехать, — выслушав гостью, сказал отец. — Я хоть и числюсь при колхозе в активистах, а и то не слышал, когда мы получим тот самый трактор. На волах да коровах озимый клин пахали, посеяли самую малость — слезы одни...

Горькие слова отца не смутили девушку. Она подняла на него свои большие светлые глаза и упрямо трянула коротко остриженными, непослушно спадавшими на лоб волосами.

— Трактор Советская власть колхозу даст обязательно, — уверенно вымолвила она. — А пока суд да дело, работа и мне найдется, сложа руки сидеть не стану.

— Ну, ну, дай бог! Поживем — увидим... — поднимаясь из-за стола, буркнул отец.

Он, как обычно, ушел с матерью после завтрака во двор управляться по хозяйству, и мы, ребяташки, остались с нашей гостью в хате одни.

— Тебя как зовут? — обратилась ко мне девушка, как к самому старшему.

— Хитрая, ты скажи первая, — глядя на нее исподлобья, сказал я.

Она весело улыбнулась и пересела ко мне поближе.

— Меня можешь звать Татьянкой.

— А ты меня — Илюхой.

— Илюша, значит? Вот и познакомились, — сказала она и спросила: — Ты пионер? Будешь мне помогать?

— На тракторе? — настороженно спросил я. — Чего надо будет делать?

— Пока трактора нет, займемся избой-читальной, начнем ликвидировать



После трех длинно вытянутых кругов, которые прошел трактор, правленцы ушли на хутор, и мы остались среди плавней одни. Далеко в степи, на самой линии горизонта, виднелись освещенные солнцем волю и два плугаря с погоньчачами. И больше на всю степь ни души. Остальные колхозники под разными предлогами отсиживались по домам, выжидали.

Мы работали весь день и вечер, а когда стало совсем темно, Татьяна включила фары. Она ни за что не соглашалась остановиться, чтобы вздремнуть часок-другой на соломе в бричке.

На рассвете у нас к концу подошло горячее, и Татьяна послала меня на хутор за новой бочкой. Я погнал лошадь что было у нее духу, не переставал нахлестывать ее и на обратном пути — и все-таки опоздал. Еще издали я увидел черные клубы дыма, поднимавшиеся над плавнями. Меня охватила тревога. Я припустил клячу во весь опор. Бричка, как сумасшедшая, загрохотала по ухабам, готовая

каждую секунду развалиться на части.

Дым над плавнями все разрастался и густел, в его клубках начали прорываться багровые языки пламени. Они хищно лизали небо, выбрасывая тучи трескучих искр. Я подкатил к распаханному нами за сутки клину, уходящему в плавни, когда огонь уже успел замкнуть горловину прохода. Ветер рвал пламя на части, нес над степью черную мошкарку пепла.

Невыносимая жара заставила меня отогнать подводку в сторону, в любую минуту могла взорваться бочка с горючим. Я соскочил на землю и заматался по пахоте у огненного кольца. Меня душило собственное бессилие, слезы сами собою катились по моим запорошенным пеплом щекам.

— Татьяна, где ты? Татьяна-а! — тщетно надрывал я голосовые связки, опаленные удушливой гарью.

Как сквозь дурной сон, услышал я надрывный звон набата на хуторе, увидел скачущих на лошадях и бегу-

щих по степи людей. Я стал кричать еще сильнее:

— Татьяна, отзовись! Татьяна!..

Я так и не узнал, услышала она меня или нет, но именно в том месте, где метался я по пахоте, из пламени выкатил трактор. Я едва успел отскокить в сторону, споткнулся о борозду и упал. Трактор промчался мимо меня на последней скорости, обдав жаром нагретого металла, и остановился, клюнув передними колесами в яму. К нему подлетели, соскакивая на ходу, всадники. Татьяна лежала грудью на баранке руля, безжизненно свесив голову с обгорелыми волосами.

Она умерла под вечер, так и не придя в себя. Ее хоронил весь хутор, от мала до велика как свою дорогую названную дочь.

И побеленный деревянный обелиск, и свежеевыкрашенная звездочка, и цветы на скромной могиле говорили мне о том, что ее на хуторе не забыли и до сих пор...

МЕРА СОВЕСТИ

Я пишу эти строки под незабываемым впечатлением от выступлений Надежды Григорьевны Заглады и от встречи с ней в Московском доме литераторов.

— Не турбуйте себя думкой,— сказала она, выйдя к трибуне, аккуратно повязанная платком с вышитыми на нем украинскими узорами.— Не подумайте, люди добрые, что у меня хватает времени ездить на вечера и торжественные собрания. Ой, как же мне некогда, если б вы знали! В свои 69 лет я ни у сына, ни у колхоза не иждивенка. В работе стараюсь не уступать молодым. И за свои гектары не покраснею. На земле, которую мне доверили колхозники, выращиваю богатые урожаи. Помогаю другим, зову примером. Каждой минутой дорожу... А отвечать на письма мне и ночей мало,— добавила она с мягкой улыбкой.— Пишут мне, наверно, не меньше, чем любому нашему министру.— И шутя обронила в переполненный зал: — У министра, ясно, своя канцелярия. А у меня? Вот они мои подначальные,— протянула доверительно большие жесткие руки.— Бачите? Явилась к вам с полным своим штатом...

Все дружно зааплодировали. Надежда Григорьевна подождала, пока зал успокоился.

— К вам на праздник, хоть и рада этому, а попала с полдороги. Еду в Чехословакию. Передавать свой опыт. Это, знаете,— очень важное дело, неотложное...— И, стремясь подчеркнуть особую важность его, добавила: — Дело совести.

Я смотрел, не отрываясь, в лицо Надежды Григорьевны. Худошавое. Густая сеть морщинок на висках. Глаза глубокие. Из-под платка выбиваются волосы. Среди каштановых, вперемежку с ними, много серебряных, как паутинки или тончайшая изморозь. И как это часто бывает, одна какая-то деталь, одна черточка вдруг напомнит тебе другого человека.

На этот раз сравнение седин с изморозью увело меня в далекое прошлое. На Тракторострой. Вспомнилась молодая дивчина Надя Зозуля и как у нее выбившиеся из-под платка волосы покрылись настоящей изморозью и оттого казались поседевшими.

Но не только в этом чисто внешнем сходстве родство этих двух женщин. Я слушал знаменитую на весь мир Надежду Григорьевну Загладу и думал: ее и Надю больше роднит сходство характеров — та мера совести, с которой они подходят и к работе и к людям. Прежде всего долг перед народом, чувство великой ответственности за все: и за свое звено, и за весь колхоз, и за соседние хозяйства, и за всю страну.

Как раз такой была дивчина со стройки в Повдолье. Такой по своим внутренним побуждениям. Такой по настрою души.

...Я приехал на Волгоградский тракторный завод вскоре после окончания боев под городом.

На территории завода было людно: женщины, старики, инвалиды, подростки и дети растаскивали завалы, напол-

няли тачки, носилки и кузова грузовиков кирпичным ломом. Рабочие и мастера отыскивали под глыбами разрушенных стен уцелевшие инструменты, части станков. У самой Волги водолазы пристраивали лебедки, наматывали тросы, готовились к подъему со дна реки опущенного туда, укрытого от фашистов оборудования.

На развалинах висели фанерные таблички с названиями цехов. Возле таблички «Механический» я встретил рабочего Ивана Петровича Иночкина — изобретателя первой в мире автоматической линии станков. Ее построили и пустили в ход как раз в канун войны.

— Пойдемте поищем мою линию,— сказал Иван Петрович.

Среди груд битого кирпича, как маленькие озерца, отражали солнечный свет осколки стекла.

Иночкин поднял один из них, подержал в руке.

— А знаете ли вы, кто и когда впервые стеклил фрамуги этого корпуса? — сказал задумчиво он.— Не знаете? Так послушайте...

В ту осень морозы ударили рано. Строители едва успели подвести цеховые стены под крышу. Была укреплена металлическая арматура, склепаны сплетения ферм для перекрытия. Оставалось только застеклить.

И эта работа стала прямо-таки неотложной. Никак нельзя было допустить, чтобы новые станки, купленные на золото за границей, начали ржаветь под открытым небом.

Судьба оборудования механического цеха волновала всех. Всех... кроме стекльщиков.

Они были отходниками из дальних деревень. Для них строительный сезон окончился. И никакие уговоры администрации не помогали. «Зимой не стеклят», — упорно твердили они.

Верно, в строительной практике тогда не было таких примеров. Но здесь, в начале тридцатых годов, в первую нашу советскую пятилетку многое пришлось пересматривать заново.

Уговорить отходников остаться взялась комсомолка Надя Зозуля. Никто ей этого не поручал. Просто Наде, подсобнице штукатура, было очень стыдно смотреть в глаза всем, кто, не считаясь ни с чем, сутками не уходил со стройплощадки. Ведь среди отходников оказалось немало и ее земляков.

Но все ее слова падали не на добрую почву.

— Ты нам байки не сказывай. Сама полезай на крышу, стекли, если головы не жалко, а нам она еще пригодится! — ответили стекльщики.

Убедившись, что уговоры не помогут, Надя сколотила из подружек свою бригаду, с нею — к начальнику строительства.

— Вызываемся стеклить!

Девушки ждали похвал, восторгов. А он:

— Ни одного стеклянного полотна вам не доверю. И стекло перебьете да и себя порежете. Залезете на верхоутуру, а потом с пожарной лестницей снимать

вас придется. Нет и нет! — сказал, как отрезал.

На следующее утро начальник строительства по обыкновению совершал обход цехов. Он был очень обеспокоен: ночью повалил густой снег, и станки покрылись большими белыми шапками.

Пройдя немного, начальник с удивлением остановился. Над самым дальним участком механического цеха почему-то снег не падал: матово-черные станки лоснятся от машинного масла и блестят медными ободками и рукоятками.

Начальник повеселел: значит, вяли отходники, остались. Но, взглянув вверх, он замер на месте: на крыше работали девушки.

— Сле-зай-те!

Девушки смотрели на него сверху и улыбались.

А потом сбросили записку. Сверху на ней было написано одно слово: «Ультиматум». Развернув бумажку, начальник прочел: «Заявляем вам, что не сойдем с крыши, пока не остеклим все, до последней фрамуги. Присылайте стекло и замазку. Имейшийся в цехе остаток нарезанных полотен использован нами полностью. Сидим без дела, жоченеем».

Пришлось смириться с таким похвальным своеволием комсомолок. Внизу для них резали мерные куски стекла, готовили свежую замазку, ветошь, поднимали к ним в термосах горячий чай.

Редколлегия выпустила и расклеила листовку «молнию» о трудовом подвиге девушки.

Незадолго до этого Надя Зозуля подавала заявление с просьбой рекомендовать ее в партию.

— Не рановато ли? — спросил у нее секретарь комсомольской ячейки.— На деле надо доказать, что ты достойна...

Теперь сомнений не было: конечно же, Надя достойна! Заседание бюро единодушно решило: рекомендовать комсомолку Надю Зозулю в партию коммунистов.

Но самое неожиданное произошло на следующий день. Сезонники, прослышав о смелом поступке девушек, вернулись на работу.

А девушки между тем заканчивали начатое дело на студеном, колком ветру.

У Нади Зозули волосы, выбившиеся из-под платка, заиндевели. Девчата тут же дали ей прозвище «зозулька-сосулька». А себя стали называть «бригадой сосулук».

В бригаде царил удивительная спайка. «Все за одного и один за всех!» — заповедь, много лет спустя вошедшая в моральный кодекс советских коммунистов, уже тогда была в силе здесь, на стальных фермах этого цеха.

Мне не удалось узнать дальнейшей Надиной судьбы. Но я почему-то уверен: не изменила она духу своей комсомольской юности, и короста равнодушия, эгоизма, недобросовестности не покрыла ее. И она, верно, такой же беспокойный, трудолюбивый человек, как Надежда Григорьевна Заглада.

И с такой же чистой совестью она может сказать любому жулику, тунеядцу, проходимцу: «Опомнись! Стань для общества не трутнем, а пчелой. Тогда наш всенародный улей будет быстрее наполняться медом изобилия». Честное отношение к труду — это, как говорится, уже в крови советского человека.

Л. ДАВИДОВ



РОБЕРТИНО СНОВА ПОЕТ

А. ОВЧИННИКОВ

В Италии, на окраине Рима, на маленькой улочке Опито Оппио, живет обычная рабочая семья Лоретти. Каждый день почтальоны несут в их дом груды писем, все они адресованы мальчику, которого зовут Робертино. Пишут поклонники таланта «маленького Джильи» — так называют Робертино именем знаменитого итальянского певца. А еще «золотое горлышко», «итальянский соловей». Не слишком ли большое это преувеличение?

Нет! Не часто можно встретить такое счастливое сочетание необыкновенной чистоты, силы и выразительности голоса. Робертино поет главным образом песни классического итальянского репертуара. Но благодаря природному вкусу он поет эти широко известные произведения по-своему, находя для каждой песни новые краски и оттенки.

Биография Робертино несложна. В семье рабочего-штукатура он пятый ребенок. Теперь в семье восемь детей. Пока работал отец, еще как-то удавалось сводить концы с концами. Но когда единственный в семье работник тяжело заболел, стало много хуже...

Вот что рассказывает о своем сыне мать — синьора Чесира:

«Моему мальчику не было и четырех лет, когда он пел уже все, что слышал дома, по радио, на улице. Схватывал он моментально — услышит и поет. И поет очень верно. Но нам с отцом было тогда не до него. Да и что ж тут удиви-

Нам в редакции пришлось завести папку с надписью «Робертино Лоретти» — так много за последнее время приходит писем, в которых читатели просят рассказать об итальянском мальчишке — всемирно известном певце. «Его голос, как прозрачный родник, — пишет Адель Абрашито из Татарии, — и после его пения чувствуешь себя ободренным и хочешь жить и жить». Многих читателей волнует, здоров ли сейчас Робертино, закончилась ли у него ломка голоса и когда он снова будет петь. Мы постарались ответить на все эти вопросы.

тельного? В Италии все поют, мы почти не обращали на это внимания».

Первую награду, «Серебряный знак», Робертино получил на конкурсе, который проводила одна итальянская газета. Потом он с успехом проходит четыре тура конкурса вокалистов-непрофессионалов на радио и, заняв первое место, получает золотую медаль. Призы, кубки, памятные подарки следуют один за другим. Но учиться пению, совершенствоваться под руководством опытных педагогов не было средств. Маленькому певцу приходилось петь в кафе, ресторанах, чтобы немного подработать, помочь семье.

Так наступило лето 1960 года. В Риме проходили Олимпийские игры. Весь город был наводнен спортсменами, туристами, журналистами со всех концов земли. Робертино тоже в этом водовороте. Он по вечерам развлекает публику в кафе «Гранд Италия».

Вот отсюда, из кафе «Гранд Италия», в сентябре 1960 года и понеслась по миру слава тринадцатилетнего «итальянского соловья». Его голос записал на пленку музыкальный редактор датского телевидения. Робертино попадает в Данию. Он выступает по телевидению. Грампластинки с его голосом расходятся по всему миру. Отсюда сыплются предложения о гастролях. О Робертино пишут, что он «самый популярный эстрадный певец, с самым высоким гонораром».

Дни расписаны по минутам. Репетиции, концерты, записи на грампластинки, съемки в кино и на телевидении. И обязательно надо вырывать время на учебу. Его торопят, и он торопится изо всех сил. Через год-полтора начнется ломка голоса. Что потом, неизвестно.

В 1961 году в датской печати появляется предостережение крупного специалиста вокального искусства. «У Робертино уже чувствуется подошедший период ломки, — пишет он. — Для того, чтобы в будущем Робертино смог быть тенором, пора перестать петь». Сигвальд Ларсен, импрессарио Робертино, на это ответил: «Мне не нужен тенор. Мне нужен эстрадный певец».

И Робертино продолжает петь. На съемках в Австрии мальчик простудился и сильно заболел. Пришлось временно прервать гастроль. Этот временный перерыв затянулся, так как началась ломка голоса.

Болезнь Робертино тяжело. По небрежности ему сделали укол загрязненным шприцем. Началось воспаление, потом на правом бедре появилась опухоль. Ему грозил паралич. Но вовремя сделанная операция отвела эту угрозу. Поправившись окончательно, Робертино снова уезжает в Копенгаген. Он изучает теорию музыки и вокального мастерства, занимается языками. За состоянием его здоровья наблюдают итальянские и датские врачи. Все в один голос рекомендуют не спешить начинать петь.

Известно, что в период ломки голосовые связки претерпевают большие изменения. В это время сорвать их очень легко. Стоит лишь чуть их перенапрячь — и все погубило. И Робертино терпеливо ждет.

В конце декабря 1962 года Робертино делает первую осторожную попытку спеть, исполняет песенку для новогодней программы датского телевидения. Врачи выносят заключение: надо еще подождать.

Недавно корреспондент ТАСС в Дании Александр Павлов сообщил, что копенгагенская музыкальная компания «Трио-ла» выпускает грампластинку с первыми двумя песнями, исполненными Робертино-юношей. Голос у Робертино стал более глубоким, мужественным.

А совсем недавно Всесоюзное радио получило от Робертино письмо. Вот что он написал:

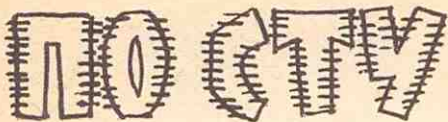
«Уважаемое Московское радио!»

Я пишу это письмо с большим энтузиазмом. Прежде всего я хотел бы поблагодарить весь советский народ, который с такой симпатией следит за моими выступлениями. Я глубоко тронут этим вниманием и просто не знаю, как мне выразить свою благодарность».

Только из Советского Союза я получаю каждый день больше двух тысяч писем от своих читателей. И мне хотелось бы всем им ответить. Но, к сожалению, у меня очень мало времени. Я должен готовиться к гастрольям. Надеюсь, что в скором времени я смогу выступить в Советском Союзе, к которому я отношусь с большой симпатией, уважением и искренним восхищением».

Спасибо.

РОБЕРТИНО».



В центре большой светлой комнаты по ковровой дорожке идет маленькая Лилия. На ней веселое ситцевое платье.

За большим столом сидят члены художественного совета Горьковского Дома моделей.

— Принято. Пойдет...— единодушно решают они.

Утверждаются модели красивой, практичной и недорогой детской одежды. Лилию сменяет на ковровой дорожке Сережа в коротких брючках голубого цвета и пестрой клетчатой рубашке.

— Принято,— говорят члены художественного совета.— Показывайте следующую модель...

Но не будем задерживаться здесь. Перенесемся лучше на деревенскую улицу, где в этот же солнечный, теплый, летний день играют ровесницы Лилии.

На одной из девочек, Марусе Катанской, третьекласснице, было легкое платье из майи, Вера Шаравина гуляла в теплом вельветовом платье, а Тамара Кульмина — в штапельном, с глухим, закрытым воротом.

— Эти платья вам купили в магазине? — поинтересовались мы.

— Нет,— ответили девочки.— Мамы сшили.

Подожли и мамы девочек.

— Скажите, пожалуйста, вам удобно и выгодно самим шить платья? — обратились мы к ним.

— Нет,— ответили мамы.— Неудобно и невыгодно. Во-первых, не все из нас хорошо шьют. Во-вторых, в магазине редко бывают дешевые ткани. Но от города отставать не хотим. Почему наши дети должны быть одеты хуже городских? А пока так оно и есть.

Вместе с женщинами заходим в магазин в селе Ульянове. Продавец Нина Федоровна Морозова разводит руками.

— Летней одежды для детей в продаже нет. Когда будет — неизвестно. Единственно, что могу предложить,— костюмчик фланелевый, сшитый Горьковской фабрикой № 11, размер 22, цена 3 рубля 7 копеек.

— А почему же все-таки нет ситцевых детских платьев? — спросили мы Нину Федоровну.— Может, у вас их плохо покупают?

— Что вы! — воскликнула Нина Федоровна.— Да стоит мне привезти хоть что-нибудь из дешевых изделий — тут такое в магазине творится! За два-три часа все разберут! Но нету, нет таких платьев на базе!

Мы снова посмотрели на трех подружек, демонстрирующих мамин «модели», и задалась нелегкой целью: выяснить, почему у деревенских ребятшек нет красивых, практичных и недорогих платьев, сарафанов, рубашек.

Директор Горьковского Дома моделей Зиновий Родионович Дубиновский нарисовал нам «лестницу», по которой движется к покупателю модель, «лестницу» из пяти ступенек.



Ступенька первая

Дом моделей разрабатывает модели, которые утверждаются на художественном совете.

Эту ступеньку мы перешагнули сравнительно легко: модели хороши, слов нет. А если кто из товароведов и утверждает, что в селе они «не идут», с этим можно спорить.

И, пожалуй, лучше всего послушать, что говорят сами колхозницы. Вот, например, одна из них, из села Калинина. В Горьком она покупала два отреза на платья, себе и дочери. Когда мы спросили ее, как она собирается сшить их, женщина ответила:

— Пока не знаю. Пойду в ателье, там посоветуют.— И с некоторой обидой закончила: — Вы думаете, что в селе не хотят одеваться модно и красиво?..

Ступенька вторая

Торгующие организации составляют заявки, по которым предприятия отбирают модели.

«Торгующая организация», в данном случае горьковская база «Росторгодежда», учитывая спрос покупателей, на 1963 год заказала Управлению швейной промышленности 308 тысяч платьев для девочек школьного возраста и по 308 тысяч — для дошкольного и ясельного.

Мы снова едем в села. Снова идем к продавцам: они ближе всего к покупателям и знают, что тем нужно.

Магазин в селе Пое Лукояновского горпо. Продавец Мария Семеновна Бердышева работает здесь уже много лет.

— Что вы можете предложить из детской одежды?

— Вот...— Мария Семеновна нерешительно подает нам симпатичный костюмчик из светло-голубой шерсти на ребенка ясельного возраста. Костюмчик хорош. Но и цена ему подходящая — 9 рублей 31 копейка.

— Давно он у вас?

— С июля прошлого года.

Нет сомнения, что этот костюмчик еще продолжительное время будет лежать в одиночестве на прилавке нового сельского магазина. И тут не поспоришь с покупателем: слишком дорог наряд для стремительно растущего малыша.

Подобный разговор происходит и в магазине села Выезднова Арзамасского райпотребсоюза.

— Что вы можете предложить тому покупателю, который придет за платьем для дочки или костюмчиком

для сына? — спрашиваем мы продавца Антонину Сергеевну Артюшенко.

— Вот сорочка для мальчиков, изготовленная Горьковской фабрикой. Ткань «колхозная», зефир полосатый.

Мы смотрим на «колхозный» грязно-белый зефир с розовыми полосами, смотрим на эту рубашку, которую не то что носить, а в руки-то брать не хочется, и недобрый словом поминаем и руководителей фабрики,



выпускающей эти рубашки, и того, кто придумал для ткани это название, оскорбляющее вкус сельского жителя.

— Покупают у вас эти сорочки? — спрашиваем продавца.

— Нет,— вздохнув, отвечает она.— Простят из шотландки и с коротким рукавом.

Беседуя с продавцами, мы убедились в том, что торгующие организации правильно оценивают покупательский спрос и не от их злой воли зависит, что на прилавках нет дешевых, удобных и красивых детских платьев.

Мы перешагнули уже две ступеньки «лестницы», а виновных в том, что детских изделий нет в продаже, пока не видно.

Ступенька третья

Заказы выполняют предприятия.

На Богородской швейной фабрике № 8 нас встретила начальник пошивочного цеха Софья Алексеевна Руссинова. Эта фабрика выпускает только детский ассортимент.

В цехах нам показали готовые ситцевые платья нарядных расцветок, недорогие; очень красивую ткань на детские изделия, присланную Карабановским хлопчатобумажным комбинатом имени III Интернационала, добротные шерстяные ткани.

— Сколько ситцевых платьев сшили вы в мае? — спросили мы Софью Алексеевну.

— Для школьников — 5 800 штук, дошкольников — 1 400 штук, ясельников — 4 700 штук. Всего — 11 900 штук.

— А в январе вы изготовили 20 800 штук?

— Да.

— Почему же сейчас, в самый разгар сезона, план выпуска хлопчатобумажных изделий снижен почти на 9 тысяч штук?

Софья Алексеевна разводит руками.

— План утверждает Управление швейной промышленности.— И тут же поясняет: — За нами, швейниками, задержки нет.

Стихи комбайнера

Горьковчанин Николай Офитов прислал «Крестьянке» подарок — тоненькую книжечку стихов своего земляка Бориса Шумилова «Хромка». Прислал он и свой отзыв о книжке, очень восторженный, как и полагается земляку. Еще бы, он увидел в этих стихах свою родину, узнал тесовые крыши старинного села, в котором, может быть, и сам родился, ту рябину-малолетку, которая растет, может быть, и под его окном. И главное — увидел в авторе родного человека, доброго и работающего, отзывчивого и честного.

Мы не земляки Бориса Шумилова, но свою любовь к родному краю он сумел передать и нам. Эти очень скромные и искренние стихи не придуманы — они написаны по свежим следам впечатлений и чувств. Таких стихов не написать тому, кто сам не ходил по рыжеватой скатерти стерни, кто подолгу не любовался, как за речкой занимается ясный денек, кто не держал в руках руля комбайна. Поэзия труда и поэзия природы слиты в этой маленькой книжечке воедино.

МУЗА

*Утренней осеннею порою
Выхожу я в холод со двора.*

Говорю ей:

— Не ходи со мною!

Говорю ей:

— Не твоя пора!

Что сейчас ты будешь делать в поле?

Ноженки исколешь по жнивью.

Да еще замажешь в солидоле

Рожцу смазливую свою.

А она, упрямая такая,

Через ветер

Голос подает.

А она мотор мне запускает,

А она на шаг не отстает.

Стужа.

Мы одни в несжатом просе.

Дождь навис свинцовый.

Тяжеск труд.

Ей кричу:

— Здесь место только прозе —

У руля.

В спецовке,

на ветру!

Он то бьет в лицо, то хлещет в спину,

Он проклятый, он не голубой...

Схватишь, на беду свою, ангину

И узнаешь, как ходить со мной.

А она,

Упрямая такая,

Только засмеется озорно.

А она замерзшими руками

Разгужает в бункере зерно.

Вновь ругаюсь:

Здесь тебе не место,

Мы весной придем вдвоем сюда.

А она, упрямая, известно,

Не стыдится черного труда.

Знаю:

Тяжело ей.

Ноги ноют.

Но она на шаг не отстает.

Но она работает со мною

И озябнут сердцу не дает.

* * *

Увидел я в кино недавно:

Сидит комбайнер за рулем,

На парне белая рубашка

Перепоясана шнурком...

Я сам комбайнер.

На швейной фабрике № 11 с изготовлением детского ассортимента тоже задержки нет. За первый квартал этого года при плане 71,4 тысячи штук фактически изготовлено 72,6 тысячи штук. За апрель план тоже перевыполнен.

Вместе с директором фабрики Яковом Абрамовичем Шароградским мы прошли на склад фабрики. И вместе с директором и кладовщиками поговорили над целой кипой ткани «Искра» артикул 287, присланной из Струнина, Владимирской области. Дикий рисунок, плотный, жесткий материал — разве можно из такой ткани шить платья детям?!

На полках склада лишь кое-где виднелись небольшие пачки детских платьиц. Почти вся продукция сразу же из цехов грузится на машины и отправляется на базы торгующих организаций.

Коллектив фабрики изыскивает всяческие возможности к увеличению количества детских изделий. Нам показали сшитые из обрезков материала трусики, сарафанчики, фартучки. Большой заботой о нуждах маленьких граждан проникнуты поиски швейников Горьковской фабрики № 11.

Ступенька четвертая

Мы подошли к четвертой ступеньке символической «лестницы» — это «базы торгодежды, отоваривающие фонды торгующим системам».

— А чем отоваривать-то? — говорит заместитель управляющего горьковской базой «Росторгодежды» Николай Васильевич Вопилов. — На складе базы детских хлопчатобумажных платьев в наличии нет. Да и откуда же им быть, если еще в прошлом году мы дали заявку в Управление швейной промышленности Волго-Вятского экономического района на платья для детей школьного, дошкольного и ясельного возраста в количестве 985 тысяч штук! А управление приняло к производству только 441 тысячу штук. 544 тысячи штук платьев нам недодают в этом году. Ясно, что мы не сможем удовлетворить спрос населения области. В последнее время даже сокращаем выпуск женских платьев, чтобы увеличить число детских изделий. Но и это не выход из положения...

Ступенька пятая

— И на 1964 год опять запланируем такое же количество изделий из хлопчатобумажных тканей, как и в этом году, — говорит главный инженер Управления швейной промышленности Волго-Вятского экономического района Валентина Яковлевна Осипова. — Весь вопрос упирается в сырье. Не хватает сырья. И мощностей не хватает. Если бы у нас были еще фабрики, которые шьют детскую одежду, тогда бы смогли планировать выпуск большего количества изделий...

Вот мы и прошли весь путь от моделирования детской одежды до покупательницы — девочки Маруси, для которой, собственно, и моделиро-

валось платье, о которой, вероятно, думали главный инженер Управления швейной промышленности, директор и работницы швейной фабрики, управляющие базой «Росторгодежда» и продавец села Ульянова, Горьковской области.

Все эти люди, каждый в силу своих обязанностей, должны были сделать все от них зависящее, чтобы наши дети были одеты нарядно, удобно и дешево.

А если судить по обстоятельствам, изложенным в этой статье, то и виновных-то нет. И нет новых платьев у Маруси, у Веры, у Тамары, у тысяч маленьких и не очень маленьких девочек. Но не хочется думать, что положение безвыходное.

А. АНИСИМОВА

ОТ РЕДАКЦИИ

В поисках ответа на вопрос, кто же несет ответственность за положение, сложившееся в Горьковской области, нам пришлось переступить еще одну, шестую ступеньку. Мы обратились в Госплан РСФСР к главному специалисту по швейной промышленности Семену Федоровичу Гришину.

— Положение тревожное, — согласился с нами тов. Гришин, — но не безвыходное.

Он объяснил: многое зависит от Министерства торговли РСФСР и двух его главков — «Росторгодежды» и «Ростекстильторга».

«Росторгодежда» учитывает спрос на детскую одежду и заказывает ее производство предприятиям каждой области.

«Ростекстильторг» призван обеспечить предприятия согласно этим заказам тканями. Оба главка не случайно находятся в подчинении у одного заместителя министра торговли. Казалось бы, они должны работать в полном контакте. Но этого, к сожалению, нет. Планы пошива, утвержденные одним главком, не обеспечиваются тканями другим главком.

В конкретном случае с Горьковской областью «Ростекстильторг» еще раз оказался не на высоте. Не сумев обеспечить швейную промышленность Горьковской области хлопчатобумажными тканями, он не позаботился и о своевременной замене их другими, дешевыми, например, штапельными, детских расцветок. Кстати, он мог бы и «на ходу» исправить положение, передав большую, чем обычно, часть тканей из розничной продажи в швейную промышленность. И, кроме всего, Министерство торговли должно было бы более разумно распределять «завоз-вывоз» готовой одежды между областями РСФСР.

Большой упрек можно, оказывается, бросить в промышленность, вырабатывающей ткани. Не учитывая потребительского спроса, она выпускает миллионы метров тканей, платья из которых отказываются продавать торгующие организации. Особенно ощутимо это при производстве детской одежды. Очень мало выпускается тканей, особенно хлопчатобумажных, с рисунком, пригодным для детского ассортимента.

Товарищи из Министерства торговли и Министерства легкой промышленности РСФСР! Вспомните наконец о детях. Многое зависит от вас.



Поправляю
Тех, кто о нас безбожно врет.
Надень в страду рубашку эту —
Жена по шее надлет.

Жниво!
Горячие денечки
До боли в мускулах трудны.
Железо в полдень раскалится —
Пеки, как на плите, блины!
От ветра трескаются губы,
Спрыгнешь — и словно под хмельком.
Обед несут — мотор не глушишь
И вот обедаешь бегом.
Настанет ночь, но мало ночи:
Еще гектар,

Еще часок!
А вы про белую рубашку,
А вы про шелковый шнурок...

* * *

Над рекой туманы плавают,
Стынет черная вода.
Бережок с сухими травами
Ждет, что скоро холода.
Никнет тополь облетающий,
Смолк широкий листьев гул.
Первый иней, в полдень тающий,
Первой стужей дохнул.
Стал беляк уже обнашивать

Шубу, серую вчера.
В поле зябку запоздавшую
Поднимают трактора.
Хорошо!
Свежо

и ласково

Дышит лес,
Высок и прям.
Липа алою повязкою
Машет ближним тракторам.
Ждет,
Улыбкой тихой плещется,
И спокойна и мила,
Словно девушка-прицепица
С плуга пыльного сошла.

КОНЦЕРТ НА ТОКУ.

Фото А. ГЕРИНАСА.



РЫБАЧОК.

С. ГРИГОРЬЕВ.

ВЕЧЕР НА ДНЕПРЕ.

Д. ШАВЫКИН.



УЧИТЕСЬ ЗАОЧНО

«Я окончила восемь классов и с 1955 года по семейным обстоятельствам была вынуждена пойти работать. Живу сейчас на маленьком разъезде, у нас всего восемь домиков, и учиться негде. А я бы с удовольствием пошла в вечернюю школу. Думаю, начала бы (после долгого перерыва) с шестого класса, а там... В мои годы (мне 27 лет) можно ведь и институт окончить. Но как же быть, если от нас до ближайшей станции Карасук, где есть вечерняя школа, 130 километров?»

Эти строчки из письма Клары Татыбаевой, жительницы Павлодарской области, переключаются с многими другими письмами, которые за последнее время получила редакция. Наши читательницы хотят учиться, получить среднее образование, но там, где они живут, или нет вечерней школы, или часы ее занятий не совпадают со свободным временем женщин. «Так что же, — спрашивают многие из них, — нам закрыта дорога к знаниям, к образованию?»

Недавно я побывала в городе Феодосии. И там мне рассказали о многих женщинах, которые получают среднее образование, живя далеко от города, в местах, где вечерних школ нет. Они ученицы феодосийской заочной школы. За много километров от Феодосии в колхозах, совхозах, на маленьких станциях садятся по вечерам за книги десятки учеников этой школы.

Помня о письмах наших читателей, я решила подробно познакомиться с системой их занятий и встретила с директором заочной средней школы города Николаем Александровичем Дружининым.

— Николай Александрович, расскажите, как школа работает с учениками-заочниками.

— Как раз для тех, у кого нет возможности посещать вечерние занятия, и организованы заочные школы, ныне существующие в каждой республике.

Человек, решивший учиться заочно, должен послать заявление в областную заочную школу.

Оттуда каждому ученику высылаются подробные учебные программы по всем предметам. Руководствуясь ими, нетрудно шаг за шагом осваивать учебники. Периодически, для отчета в полученных знаниях, учащиеся выполняют и присылают в школу контрольные работы. Каждому высылаются и методическая литература, которая помогает разобраться в наиболее сложных вопросах.

— Однако, Николай Александрович, в учебных программах есть и такие разделы, в которых подчас трудно разобраться без помощи учителя.

— Безусловно. Особенно заочнику, только привыкшему самостоятельно работать с материалом. Но и это предусмотрено. Каждая заочная школа организует консультационные пункты. Они создаются и при школах-восьмилетках и при начальных школах. Педагоги — консультанты (их труд оплачивает заочная школа) в определенные дни консультируют заочников, помогают им в разрешении сложных вопросов.

— Как переводят учащегося из класса в класс?

— На основании контрольных работ. А оканчивающие 8-й или 11-й классы должны сдавать выпускные экзамены в школе.

— Значит, они не могут обойтись без поездки в школу?

— Да, выпускникам выехать на экзамены необходимо. Но не нужно забывать, что учащиеся заочных школ пользуются целым рядом льгот, которые призваны облегчить им учебу. По постановлению правительства каждый школьник-заочник, живущий в селе, имеет сокращенный на два часа рабочий день или дополнительный выходной день в неделю с оплатой 50% от среднего заработка. Выпускник — восьмиклассник на экзамены получает 8 дней отпуска с полной оплатой. Одиннадцатиклассник — 20 дней такого отпуска. Собственно, это льготы, общие для всех, кто учится без отрыва от производства.

— А нельзя ли, учась

заочно, пройти курсы 5, 6, 7-го классов быстрее, чем за три года?

— Можно. Заочными школами рассылаются планы ускоренного освоения программ 5—8-го классов. При желании можно изучить программу этих четырех классов за два года.

— Учебный год в заочной школе начинается, как и везде, в сентябре?

— Не только в сентябре. Его можно начать и в январе. У нас классы идут потоками. Скажем, 8-й класс первого потока начал заниматься с 1 сентября. 8-й второго потока

начнет с 1 января. Каждое полугодие, как в институте, в зачетную книжку школьника-заочника выставляются зачеты.

— Николай Александрович, последний вопрос. Как вы лично относитесь к заочной учебе?

— Я всячески стараюсь пропагандировать ее. Я ведь сам закоренелый заочник. Заочно окончил педтехникум, потом институт. И говорю уверенно: для того, кто по-настоящему хочет учиться, двери к знаниям открыты.

Ю. ХОРИЦКАЯ

СОВЕТЫ ЖИВОТНОВОДАМ

В десятом номере журнала «Крестьянка» за 1962 год был опубликован очерк «Дорогой мастеров», где рассказывалось об опыте беспривязного содержания коров в колхозе «Большевик», Ляховского района, Владимирской области. Много читательских писем было получено после опубликования очерка. И почти в каждом спрашивали, как обезроживать коров.

Редакция обратилась с этим вопросом к зоотехнику колхоза А. А. Шишкину. Вот что он ответил:

— Наш опыт говорит, что самый лучший метод обезроживания хирургический. Для этого нужны следующие инструменты и материалы: стерилизатор, электрическая плитка или примус, 2 листовидные (анатомические) пилки, 2 шприца 10,0- и 20,0-граммовые с инъекционными иглами, скальпель, пинцеты Кохера и хирургические ножницы, бинты, марля, вата, парафин в жестяной банке, порошокраспылитель, наполненный толченым углем, металлическая носовая закрутка, двухпроцентный раствор новокаина, настойка йода.

Удаление рогов мы проводили прямо на скотных дворах. Коров привязывали к столбу или кормушке.

Когда все подготовлено и инструменты простерилизованы, один человек накладывает носовую закрутку, а второй держит корову за рога. Оператор производит местную анестезию нерва, идущего к рогам, вводя 20 г раствора новокаина в каждую надглазочную поддугу.

Минут 12—15 спустя рога можно отпиливать. Отпиливаем, отступя 2—3 сантиметра от основания рога, с тем, чтобы на срезах могла удержаться бинтовая повязка.

Случается, что из крупных сосудов начинает бить фонтаном кровь. Такие кровеносные сосуды надо зажать пинцетом. При небольшом кровотечении сразу накладывается парафиновая повязка. Для этого марлевую салфетку, сложенную в 3—4 слоя, опускают в кипящий парафин и накладывают на спиленный рог. Парафин быстро застывает — и кровотечение прекращается. Затем накладывается ватно-марлевая повязка. Если все-таки кровь просачивается через нее, делается присыпка мелко толченым углем.

Обезроженных коров ставим на привязь на день-два. Через два дня делаем перевязку.

После снятия повязки обрабатываем рог стрептоцидовой эмульсией и накладываем вторую — более легкую — повязку. В случае небольшого кровотечения, что бывает очень редко, снова поверх повязки насыпаем толченый уголь.

После второй перевязки корову пускаем в стадо, а через неделю повязку снимаем совсем.

Лучше всего производить такие операции поздней осенью, зимой или ранней весной. Летом делать этого не следует.

Одновременно с коровами мы обезроживаем и телят. Обезроживание телят мы производим в возрасте двух месяцев, когда роговые бугорки выступают на 0,5 см. Копытными клещами захватываем бугорок рога и откусываем, а потом втираем в основание рога кристаллический едкий натрий. У обработанных таким методом телят рога не растут.

В этом номере мы предоставляем страницы молдавскому журналу «Фемей Молдовой».

О жизни крестьянок Молдавии, их славных трудовых делах, заботах и радостях рассказывает наш гость.

— То есть как это не поедешь? — удивился Семен Никифорович. — Тогда надо было сразу отказаться, послали бы кого-нибудь другого. Ведь в звене не ты одна — тридцать человек. А урожай кукурузы, может, и не диковинный, но ведь самый высокий в районе...

Нина посмотрела на часы. Рядом на столе лежала бумажка. «Кишиневская телестудия просит вас выступить по телевидению и поделиться опытом выращивания высоких урожаев кукурузы...»

Нина села за стол, вырвала листок из ученической тетрадки. «До поезда еще добрых три часа, успею подготовиться. Но с чего начать? Какой же у нас опыт, если мы сами на каждом шагу используем опыт других? Взять, к примеру, сев. Еще два года назад мы сеяли кукурузу рядовым способом. Весной бригадир делил участки по звеньям. Так тоже было заведено издавна».

Но однажды в газете появилась статья знатного кукурузовода Героя Социалистического Труда Анны Чеботарь. Анна

рассказывала, как ее звено вырастило на каждом гектаре по 150 центнеров кукурузы в зерне. «Участок под кукурузу, — писала Анна, — мы получаем с осени, чтобы зимой хорошо удобрить землю, задержать влагу. Звено готовит и семена, а весной все выходит на посев и следят, чтобы квадраты были равные...»

«Постой, постой! — всполошилась Нина. — Как же это получается?» Когда она попросила бригадира выделить участок с осени, бригадир заявил, что у нее индивидуалистический подход к делу, что хорошо удобрять надо всю землю и болеть не за звено, а за бригаду.

Нина побежала в правление, с торжеством развернула газету. Председатель поддержал ее. Участок под кукурузу звено получило с осени. А весной, когда агроном дал команду приступить к севу, Нина со своими девчатами была тут как тут. Бригадир еле-еле убедил девушек в том, что для контроля достаточно одной звеньевой.

Вспоминая ту весну, Нина улыбнулась.



— А ну, дочка, ужинай скорее, — топил отец Нину, — и к выступлению готовься. А то опоздаешь на поезд.

— А я, наверно, не поеду, — сказала Нина как можно спокойнее. — О чем я расскажу людям, когда ничего особенного мы не сделали? Что наши восемьдесят три центнера кукурузы против того, что получают другие?

«ПАДЕНИЕ» МАРИИ КАРАОГЛО

Вера МАЛЕВА

Рассказ

С тех пор как существует род Караогло, не было еще такого случая. А род Караогло — один из самых древних в Беш-Гиозе. Веками был нерушим в нем порядок. Никогда не приходилось мужьям краснеть за своих послушных и рассудительных жен, которые ни за что бы не вышли из дому после захода солнца, упаси господь! И разве стала бы девушка разговаривать с незнакомым мужчиной или, содрав с головы платок, шататься по деревне? Кто бы после этого женился на ней? А девушек из семейства Караогло брали в жены молоденькими, потому что лучших жен, как известно, в округе не было.

И вдруг их семейную гордость растоптали, вдавили в грязь. И кто это сделал? Мария. Мария, дочь Кости Караогло, тихоня, о которой никто ничего не знал и не мог даже сказать, какого цвета ее красивые глаза, потому что они всегда были потуплены. Но в тот день, когда Мария подняла глаза, всех поразила их ясная и жесткая синева, какой не видывали в глазах у женщин рода Караогло. И стояло ей один раз поднять глаза, как она уже больше их не опускала. С этого, собственно, и началась вся история.

Илие Качанжи, секретарь колхозной парторганизации, уже несколько месяцев воевал с колхозниками, у которых были взрослые дочери.

— Отпустите дочерей работать на фермах, — уговаривал он. — Это же стыд и срам: мужики-бородачи коров доят! Отцы слушали в хмуром молчании. Под конец кто-нибудь не выдерживал:

— Странный ты какой-то, Илие. Словно не из наших краев. Неужто отпустим девчат на ферму, когда там у них мода — до полуночи работать?

— Как до полуночи? После вечерней дойки могут идти домой.

— То-то, что после вечерней, — вскидывался другой. —

Наши девчата не привыкли слоняться ночами по улицам, как невесты кто.

— Что ж вы хотите, доить только утром? А с планом тогда что будет?

— Пускай доят мужики и выполняют план, как до сих пор выполняли.

Как-то вечером Кости Караогло, топча ногой окурки, не удержался и ехидно заметил:

— Зря ты время теряешь, Илие. Час уже поздний. Ступай лучше домой, к жене. Уж не думаешь ли ты, что моя Мария станет ходить на ферму?

Вот тогда и произошло чудо. Отложив в сторону веретено и прялку, Мария подняла на отца глаза, которых до того времени никто толком не видел.

— Я пойду, — сказала она. — Почему не пойти?

И даже не покраснела.

На мгновение Кости онемел. А когда пришел в себя, на него было страшно смотреть. Весь он дрожал от гнева. Но и Мария оказалась неробкой. Хоть глазами ни в кого не пошла, характер был, видно, отцовский.

Качанжи обрадовался. Он знал, что в один прекрасный день лед тронется, но никак не предполагал, что начало положит Мария. Правда, несколько раз она говорила с Михаем, секретарем комсомольской организации. Но издали эти речи казались ему скорее любовным щебетом, чем серьезным разговором о работе на ферме. А впрочем, кто знает? Может, одно приводит к другому?

За Марией потянулись другие девушки. Но больше всего хулы, конечно, досталось Марии. Ведь мало того, что она пошла на ферму. Однажды она оделась по-праздничному и заявила, что вернется домой поздно.

— Будем ренетировать в клубе, — попыталась она успокоить мать.

Но этим только подлила масла в огонь.

Мать разрыдалась, стала бранить ее. Хорошо, Кости не было дома, а то, наверное, случилась бы беда. Когда он пришел, было поздно. Все село уже знало.

Теперь, когда Мария появилась на улице, за нею, подобно осиному жужжанию, несся шепот. Но Мария шагала с гордо поднятой головой, с устремленным вперед синим и жестким взглядом; тяжелые косы свободно лежали на

Много хлопот доставила она тогда трактористам!

А как нормы делили? И это тоже интересно. В прошлом году решили работать по методу звена Лидии Пынзарь, звеньевой из колхоза «Пограничник», Единецкого района. Девчата быстро подсчитали: каждому члену звена придется обрабатывать по гектару кукурузы и по полгектара сахарной свеклы. Но Нина не могла согласиться с таким разделением.

— Да разве это справедливо?! Сможет ли, например, Вера Кирилюк выполнить полную норму, если она больна и почти каждый день вынуждена ходить то к врачу, то на лечение? А тетя Мария Мошок, которой за шестьдесят? А Лиза Грошеван, мать пятерых малышей?

— А кто же их норму будет делать?— сердито выкрикнула одна из девушек.— Я, что ли?

— Почему ты? Мы, все вместе. Столько лет работаем в одном звене, сдружились, как же не помочь друг другу?!

Девушки поддержали звеньевую. Вере Кирилюк дали полнормы. Когда же она слегла в больницу, и ту обрабатывали за нее. А трудодни записали на Веру.

Требовалась помощь и тете Марии. Как только спускалось солнце, девчата отправляли ее домой, а сами доделывали то, что она не успела. Осенью тетя Мария упрашивала девушек взять у нее хотя бы по мешку початков: ведь ей так помогли! Но девчата отказались. Каждая

и без того заработала по 2 400—2 600 килограммов кукурузы.

Поняли девушки, что значит взаимная поддержка и во время уборки свеклы. Никогда бы они не получили по 327 центнеров сахарной свеклы с гектара, если бы ее немедленно не отвезли на завод. Тут проявили инициативу замужние: позвали на выручку своих мужей, детей, и все вместе за два дня вывезли свеклу.

...Нина снова взглянула на часы. До поезда полчаса, не больше. Но что же все-таки расскажет она телезрителям?

Что агротехнику в звене уважают? Но это заслуга агронома Фаины Саввичны Ишимовой. Ведь именно она научила колхозниц сохранять густоту растений, делать подкормку, опыление.

Нина встала из-за стола, походила по комнате. А не поделиться ли планами? Обязательства у звена большие: 95 центнеров кукурузы в зерне с гектара...

А может, просто рассказать о себе? Сколько волнующих событий пережила она за последнее время! Принята в партию, была делегатом XI съезда комсомола Молдавии, избрана депутатом Верховного Совета республики...

— Дочка, пора собираться,— напомнил Семен Никифорович.— Ты готова?

— Готова,— улыбнулась Нина, пряча в ящик чистый листок бумаги.— Только не записала ничего. Расскажу так, своими словами.

М. ЗАХАРОВА

Колхоз имени Кирова,
Фалештский район



Нина Самолюк.

Фото Э. СЕМЕНОВА.

спине, легкий платочек покрывал лишь самую макушку. Случалось, она и вовсе выходила без платка!

Кости с каждым днем чувствовал себя все более униженным. Он даже пожаловался председателю на Качанжи, но председатель не понял его.

— Оставь дочь в покое,— сказал он.— Она ж плохого не делает. Вот увидишь, принесет тебе тысячу трудодней!

— А клуб?— не сдавался Кости.— Зачем мне все эти тысячи, если все село гудом гудит. Где это видано, чтобы девушка по ночам в клуб ходила? Вы же знаете наши законы.

— Дурные законы,— рассердился председатель.— Вот и моя дочка в клуб ходит. Что с того? Голоса у них хорошие, ну и пускай поют. Научатся петь как следует, будет вся страна наши гагаузские песни слушать. В Москву поедут...

Наивный человек этот председатель! Разве могли такие слова успокоить Кости! При мысли, что его дочь увезут из села, его охватывала еще большая ярость. Но что он мог сделать? Не те нынче времена, чтобы дочку дома запереть.

Однако всему приходит конец. Настало время, когда Марию оставили в покое. Не то чтобы ее «простили». Нет. Слишком уж велико было ее «падение». И когда другая девушка ломала дедовские «законы» и отправлялась в клуб или вступала в хор, повязав платок выше обычного, недобрый словом поминали Марию, потому что зло пошло от нее.

А мать Марии не уставала пилить ее.

— Что ты, дуреха, наделала? Мне среди людей показать стыдно. Недоедала я, недосыпала — собирала тебе приданое. Тебе скоро двадцать, а подумал кто-нибудь за тебя свататься? У меня в твои лета двое детей было.

Если три года назад от таких слов Мария могла встревожиться, то теперь, вспоминая о Михеае, от которого получила письма из армии, она только смеялась.

— Найдется,— говорила она,— и для меня суженый. А приданое отдай моему брату. Ведь по вашему закону имущество переходит к сыну, а не к дочери.

— Да разве теперь держатся старых законов?— вяло протестовала мать.

— Тогда почему не даешь мне монисто? Бережешь для невестки? А для меня монисто дороже всего приданого. Приданое и сама себе соберу, а монисто не продается. Оно мне нужно для клуба...

Так обстояли дела, когда в селе появился корреспондент. Собственно, корреспонденты уже бывали в колхозе. Но сейчас это был корреспондент одной из крупнейших в стране газет. К тому же он приехал специально ради Марии Караогло, потому что теперь Мария была уже известна далеко за пределами Беш-Гиоза. Во-первых, песню «Нетопло гежелар» она спела в Кишиневе так чудесно, что получила премию, а, во-вторых, осенью, когда подвели итоги, доярка Мария Караогло вышла на одно из первых мест в республике. После этого Кости немного приподнял голову и стал даже снова разговаривать с дочерью.

Корреспондента Мария пригласила домой, показала ему грамоту, любимые книги, свое вышивание. Конечно, это было тоже «нарушением закона», потому что девушка не должна приводить в дом посторонних мужчин, разговаривать с ними, приглашать их к столу.

Через несколько дней Кости пришел домой раньше обычного с помолодевшим лицом и сияющими глазами. Позвал жену, медленно вытащил из кармана газету, еще медленнее развернул ее. С первой страницы на них смотрела, улыбаясь, их Мария. Оба вглядывались в портрет, и вдруг мать сказала неверным голосом:

— Будто над нами смеется...

— Зачем смеяться над нами?— рассердился Кости.— Разве мы ей не родители? Не мы ли ее вырастили?

И, словно чтобы подкрепить эти слова, схватил ножницы, вырезал фотографию и повесил на стенке, над столиком с радиоприемником, которым еще в прошлом году премировали Марию за отличную работу...

На этот же столик начали ложиться одно за другим письма. Письма из самых отдаленных уголков страны. Их прибывало по десяти—двадцати в день. В пятистах из них (а всего их получено уже восемь тысяч) корреспонденты Марии просят ее руки.

Но есть еще и другие письма, бережно хранимые в тайнике, известном одной Марии. Желанное согласие будет дано только тому, кто подписывает эти листки.



ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

Несколько дней кряду сельский радиоузел напоминал колхозникам о предстоящем торжестве. И вот ситцевый бал начался...

В Доме культуры уйма народу: жители из всех семи сел, входящих в колхоз, гости, артисты. Среди ситцевых платяев, юбок, блузок, косынок мелькают черные пиджаки, ярко вышитые мужские рубахи. Много цветов, музыки.

Молдавскую «сырбу» сменил вальс. А вот вспыхнула и темпераментная «хора».

Но не одни танцы в программе сегодняшнего вечера. Заведующая Домом культуры Раиса Захаровна Кулакова только что объявила о создании женского клуба. Участницы бала могут тут же записаться у будущих руководителей в секции домашнего хозяйства и кулинарии, кройки и шитья, рукоделия, иностранных языков. Они будут работать на общественных началах.

А теперь слово гостям. На бал приглашены художник-модельер из кишиневского Дома моделей, специалист из кулинарной школы, врач.

В гостях у колхозников и широко известный в республике коллектив художественной самодеятельности кишиневской фабрики «Стяуа Рошице». Концерт составлен по заявкам сидящих в зале.

И снова танцы, игры. А почтенные матери семейств предпочитают постоять у витрин с фотографиями передовых колхозниц, с вышивками колхозных мастериц, у этажерок с книгами по воспитанию детей, по домоводству. Иная встретится глазами со своей собственной фотографией и смущенно отойдет в сторону.

Но и это еще не все. Раиса Захаровна Кулакова составляет авторитетное жюри, чтобы выбрать королеву бала, отметить самое красивое ситцевое платье и самую удачную вышивку.

По общему мнению, лучше всех танцевала в паре с агрономом Виктором Варзарем учительница Валентина Гологан. Она королева бала. Под музыку духового оркестра ей надевают «корону» из живых цветов.

Неброское платье доярки Армении Бузу шито с большим вкусом. Девушке оно очень идет. Его отмечают премией.

Самыми красивыми вышивками жюри признает работы Аллы Кондри и Марии Варзарь.

Давно пропели петухи, но никто не расходится. Ситцевый бал удался на славу!

Вл. НИСТРЯНУ
Фото автора.

Колхоз имени Карла Маркса,
с. Драсличены.

ДЕТИ И НЯНИ

Недавно в Кишиневе состоялся двухнедельный семинар заведующих детскими колхозными учреждениями.

В свободные от занятий часы, обычно после посещения какого-нибудь городского детского сада, заведующие собирались и обсуждали увиденное. В этот раз беседу начала Татьяна Руденко, заведующая колхозным садиком села Бадичены, Сорокского района.

— Вот это я понимаю — урок музыки с пианисткой! И у нас в колхозе есть оркестр, но играет он только на свадьбах да на поминках. Прихожу я как-то к председателю и прошу его: «Помогите нам!» А он этак пренебрежительно отвечает: «Мало тебе, что во время уборки с ребятами прохлаждаешься, еще и музыки захотела?»

— Вот-вот, вы о музыке мечтаете, — вступила в разговор Екатерина Селезнева из Лазовского района. — А у нас до сих пор нет помещений для яслей. Семь яслей разместились в частных домах. И как, вы думаете, эти дома подбираются? Назову вам для примера Любу Рубу. Захотелось ей поработать в своем хозяйстве, — она и решила «пожертвовать» для детей большую комнату. Конечно, если она целый день будет копаться в своем огороде, колхоз начислять трудодни ей не станет. А тут няня — все-таки уважаемое лицо. Трудно ей пришлось, бедняжке. Только и слышно было: «Не топчите мне лук, черт бы вас побрал!», «Не бегайте, окаянные, напугаете квочку с цыплятами!» Подняли мы вопрос о собственных помещениях на правлении. Но напрасно. Председатель наш, тов. Школьник, твердит одно: «Погодите, погодите. Вы-то разве в лучших условиях росли?»

— А вот в нашем селе четыре типовых детских учреждения, — рассказала Федора Константиновна Бузук, заведующая детским садом № 1 села Копанка, Тираспольского района. — Каждый садик имеет стиральную машину, холодильник, газовую плиту с баллонами, не говоря уж о хорошем белье, книгах, игрушках. Председатель сельхозартели тов. Болфа — частый гость у малышей.

А разве в других колхозах не может быть так же? Конечно, может.

Мария Антоновна Вырлан из села Суслены, Оргеевского района, спешит поделиться своими заботами:

— На сто детей у нас приходится одна кухарка, одна няня и одна воспитательница. Попробуй при таком положении уделить внимание каждому из ребят!

К сожалению, о том, кому доверить воспитание детей, как правило, не задумываются. Кого обычно посылает правление на работу в садик? Женщин, которые либо не хотят, либо не могут работать в поле. Когда обсуждается вопрос об открытии садика, переберут всех старух на селе.

А ведь воспитание детей — самый тяжелый, самый ответственный труд. Почему же не выделить для этого лучших? И хорошо им платить и всячески поддерживать.

Село Офатинцы, Рыбницкого района, и село Михайловка, Чимишлийского района, — села с одинаковыми возможностями. В первом есть типовой садик-ясли. Еще не было случая, чтобы воспитательницы попросили о чем-либо председателя Ивана Фомика Сапожникова и натолкнулись на отказ. Особенно если речь идет о книгах, игрушках.

А в Михайловке ни инвентаря, ни белья, ни игрушек. В прошлом году после долгих споров председатель колхоза тов. Добрянский вызвал кладовщика и приказал ему:

— Купи чего-нибудь для садика! А то эти женщины покою мне не дают.

Кладовщик не считал нужным посоветоваться с воспитательницами насчет покупки и выбрал на свой вкус каких-то «костяных рыбок». Во-первых, стоили они дорого, а во-вторых, детей, у которых нет кукол и мячей, едва ли могли обрадовать даже золотые рыбки.

Мы не хотим преувеличивать: не везде так относятся к детям. Но нельзя не признать, что в ряде колхозов о воспитании детей заботятся плохо.

А ведь у сельских детских учреждений три солидные «няни»: министерства народного образования, здравоохранения и производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов. Но вышеозначенные «няни», видно, и решили доказать, что у трех няnek дитя действительно остается без глаза.

Л. РУЖИНЭ

Участницы республиканского семинара заведующих яслями и детскими садами.

Фото Э. СЕМЕНОВА.



Что Вам ПОЙДЕТ?

«У меня плохая фигура, и я постоянно затрудняюсь в выборе фасона платья» — такие сетования часто можно встретить в письмах, получаемых редакцией. Читательницы просят рассказать, как скрадывать полноту или худобу, приземистый или слишком высокий рост и т. д.

Вот несколько советов, которые могут оказаться полезными нашим читательницам.



крупным рисунком. Лифы на платьях хорошо делать прибороженные, драпированные, что, кстати, очень модно в нынешнем году. Рекомендуются крупные бусы.

Чтобы скрадывать худобу ног, полезно носить светлые чулки без шва.

При тонкой фигуре и большом росте рекомендуются платья в клетку с вырезом ворота «по шейке».



Худощавой женщине, у которой выпирают ключицы, впалая грудь, чрезмерно тонкие ноги, подойдут платья светлых и ярких тонов с



Худощавым женщинам маленького роста очень хороши прямые неотрезные платья также с вырезом «по шейке».

При очень худой шее нужно избегать больших круглых вырезов, которые только подчеркивают этот дефект.

При маленьком росте хороши фасоны платьев с коротким краем юбки. Удлиняет

фигуру и ткань с вертикальным расположением полос. Не рекомендуются слишком короткие платья. Они непременно должны прикрывать колени.



Полным женщинам нужно стараться шить платья из одноцветных тканей синего, темно-серого, темно-коричневого цветов. Оживить такой туалет можно ярким светлым шарфом, косынкой. Для летних платьев им пойдут ткани скромных цветов в мелкий и частый рисунок.

Полным женщинам следует шить юбки прямого покроя, кофточки в тон носить навыпуск.

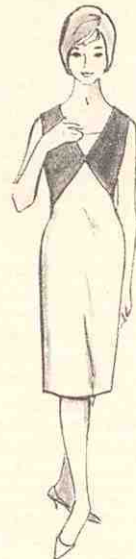
Для того, чтобы скрадывалась полнота ног, хорошо носить чулки темных тонов со швом.

Противопоказаны при большой полноте высокие воротники, драпированные



лифы, широкие плиссированные юбки, платья без рукавов, подчеркивающие полноту рук, широкие пояса, подчеркивающие талию.

Полным женщинам маленького роста нужно избегать сложных фасонов платья, отделок в виде бантов, оборок. Высокие каблуки не столько увеличивают рост,



сколько затрудняют и искажают походку, поэтому для ежедневной носки предпочтительнее простая, удобная обувь.

Ожерелья в несколько рядов еще больше укорачивают фигуру, от них нужно полным женщинам отказаться.

Если следовать этим простым правилам, каждая женщина может выбрать такие фасоны платьев, которые ей подойдут.

Рисунки С. ТАВУНОВОЙ.

ОБИДЕТЬ

Человека

НЕТРУДНО...

День близился к концу. Не успела я подойти к небольшой старенькой хатенке, крытой соломой, как совсем смерклось. Хозяйки дома не оказалось.

— Параська на работе, лузит кукурузу! — сообщила мне соседка.

Я непременно хотела повидать Прасковью Патяко и стала ждать ее возвращения.

Об этой женщине и ее дочери Татьяне в колхозе говорили недобро.

— Поехала Татьяна искать легкой жизни! А ведь, казалось бы, чего девке не хватало? Работала на ферме, была на хорошем счету, неплохо зарабатывала и вдруг, пожалуйста, подалась в город за легким хлебом! Да и мать хороша, не могла внушить дочери любовь к своему колхозному делу!

Выслушав председателя колхоза имени Ильича, я все-таки решила побывать в семье Патяко.

Вот наконец и хозяйка. Захожу вслед за ней в неказистый домишко. Русская печь, стол, лавка, на стене шитые рушники. Обжито, уютно. Чувствуется, умелые у хозяйки руки. И в колхозной работе все годы были ее руки проворны и неутомны. Растила Прасковья на колхозном поле картофель, хлеб, кукурузу.

Жилось нелегко. Как ушел муж в 1941 году защищать Родину, так и не вернулся. Прасковья осталась одна с многочисленными нуждами, заботами. И главная из них — дом. Вот-вот совсем развалится.

Одна радость — дочь! Честная, работающая, на все руки мастерица. В поле и дома помощница. Даже о старенькой хатке, глядя на свою Татьяну, меньше тревожилась женщина. Подмазывала стены глиной, подбеливала, все надеялась: станет работать в колхозе дочка, будет честно трудиться, и ее не обойдут, помогут починить жильё. Многим ведь пошел колхоз навстречу.

Окончила Татьяна семь классов, стала работать в поле. Старательную девчонку заметили, предложили ей перейти на ферму.

Ферма Татьяне понравилась: большая, механизированная. Премимальная оплата труда. Чего же еще надо?

Среди Таниных подружек были, правда, такие — считали, что жить в колхозе скучно.

— Не для того я училась, чтобы коровам хвосты мыть! — говорила телятница Валентина Коврыженко. — Уеду из деревни!

И уехала. Приходили весточки, что устроилась где-то в няньках. Таня ее осуждала. Ради этого не стоило бежать из родного села. Другое дело — уехать учиться.

Правда, сама она мечтала пока о другом: просто работать в селе, скрасить матери одинокую старость.

Как-то раз Татьяна подала заявление в правление колхоза, просила помочь приобрести лес на починку дома.

— Хорошо, поможем! — пообещали ей.

Татьяна внесла деньги и стала ждать.

Прошли месяцы. И однажды вместо ожидаемых материалов ей вернули деньги:

— Леса нет и не будет!

Татьяне стало обидно. А тут еще подружки на ферме подсмеиваются:

— Ну что, помогли? Говорили мы тебе, незачем за материн подол держаться. Не маленькая, поезжай в город! Вон Люба пожила в домработницах в Белой Церкви да и вышла замуж. Квартиру получила и живет припеваючи. А ты дождешься, крыша на голову свалится!

Татьяна отмалчивалась. А по ночам, бывало, думала. На ферме у нее дела идут неплохо. Шестнадцать коров обслуживает, удои растут. Работой ее довольны, и она довольна. А уедет, как-то сложится жизнь в незнакомом месте? И мать! Не оставлять же ее на старости лет одну!

Если бы в ту пору пришли к Тане старшие товарищи и спросили, почему она невеселая, какая забота ее тревожит, быть может, и рассказала бы она о своей беде.

Но никто этого не спрашивал. И обида росла. На глазах у Татьяны то одному, то другому соседу правление помогало строить. Кому лес подвезет, кому людей подошлет.

«А я-то чем хуже?» — с раздражением думала Татьяна.

Так же думала и Прасковья. И однажды в сердцах сказала:

— Надоела вся эта канитель. Видно, нам не дожидаться помощи. Уезжай, дочка, о себе подумай!

— И уехала Таня, — рассказывает женщина. — А я места себе не найду. Немило мне стало в доме.

Из разговора я узнала, что и Татьяне живется нелегко. Только как теперь вернуться? Ведь дезертиром ее считают. Из-за отъезда Татьяны колхоз лишил семью большей части огорода.

— В глаза людям смотреть теперь стыдно! — жалуется Прасковья.

Поселок Гребенки в двенадцати километрах от колхоза. Поселок невелик, и разыскать Татьяну Патяко не составило особого труда.

Рослая, красивая девушка вышла мне навстречу. Татьяна — работница откормочного пункта. Ничего городского в ее новой профессии нет. Напротив, сейчас работать Татьяне гораздо тяжелее, чем на колхозной ферме. Меньше механизмов, больше животных, за которыми надо ухаживать. Проиграла она и в заработке. И условия быта у нее трудные: снимает угол, платит за него в месяц пять рублей.

— Поработаю год-другой, может, мне и помогут тут построить дом, стану тогда в Гребенках жить, — делится Таня своими планами.

— Но ведь работать здесь труднее, и мать дома одна, не лучше ли вернуться в родное село? — спрашиваю я.

Татьяна молчит.

— А если в колхозе пойдут вам навстречу, помогут отремонтировать дом?

— Тогда я бы вернулась, — живо отвечает девушка. — Только кто же мне это предложит? У меня теперь одно звание — дезертир. А тут мне почет и уважение: в соревновании заняла второе место.

Я слушаю Татьяну и думаю о том, как важно быть чутким к человеку, вовремя прийти на помощь.

Вспоминается недавняя история с молодой свиначкой из колхоза Максима Горького, что на Харьковщине.

Первое дежурство Марии по кормоцеху было памятным: поросята за сутки резко потеряли в весе.

— Ты что, не кормила их? — спросила Марию бригадир.

Мария возмутилась:

— Еще что? Кормила!

Однако и в следующее ее дежурство повторилось то же. Созвали собрание, и женщины потребовали от молодой свиначки рассказать, что происходит.

Выяснилось: Мария заливает корм холодной водой.

— Не нужно нам такой работницы! — раздался гневный голоса.

Но бригадир остановила женщин. Она поняла: свиначка не знала, насколько важно запаривать корм горячей водой. Разобравшись, женщины решили по очереди дежурить вместе с Марией, приучая ее к правильному уходу за животными.

Прошло несколько месяцев, и Мария стала одной из лучших свиначек на ферме.

Я разговаривала с молодой колхозницей, и она созналась:

— Если бы мне не помогли, уехала бы тогда же из колхоза куда глаза глядят!

* * *

Обидеть человека нетрудно. Куда трудней вовремя проявить к нему внимание, чуткость.

Р. РОЗОВА

Киевская область.

ЖДУ Я ТЕБЯ

Музыка А. АВЕРКИНА.

Слова И. ДРЕМОВА.

В горных ущельях сверкают снега,
Звезды зажглись в окне.
Ветер уснул, и уснула тайга,
Только не спится мне.
Ветер уснул, только не спится мне.
Там, где над речкой чуть шепчет камыш,
Знаю, любимый мой,
Ты на посту у границы стоишь
Этой ночной порой.
Ты на посту этой порой ночной.
В комнате нашей над тихим столом
Лампы лучится круг.
Вновь я грущу над заветным письмом,
Мой синеглазый друг.
Вновь я грущу, мой синеглазый друг.
Звезды мерцают в ночной вышине,
Жду я тебя давно.
Скоро ли, друг мой, как прежде ко мне
Ты постучишь в окно?
Скоро ли, друг, ты постучишь в окно?

В темпе вальса Задумчиво

The musical score is written in 3/4 time with a key signature of one flat (B-flat). It consists of a vocal line and a piano accompaniment. The lyrics are written below the vocal line. The score includes various musical notations such as notes, rests, and dynamic markings (p, f, mf, M, B, 7). There are also performance instructions like 'Для повторения' and 'Для окончания'.

В гор-ных у-
щель-ях свер-ка-ют сне-га. Звез-ды зажг-лись в ок-
не. Ве-тер ус-нул, и ус-ну-ла тай-
га, толь-ко не спит-ся мне.
Ве-тер ус-нул. Толь-ко не
спит-ся мне. -но?

Для окончания по желанию



